

Калдовские

Миры

РЕАЛИТИ-ШОУ «ЗАМОК»

КСЕНИЯ
БАШТОВАЯ

Ксения Николаевна Баштовая

Реалити-шоу «Замок»

Серия «Колдовские миры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=632095

К. Н. Баштовая. Реалити-шоу «Замок»: Альфа-книга; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-091736-5

Аннотация

Родители назвали ее Ангелиной... Надо ли говорить, что девушку коробило от этого имени. Другое дело – Гелла! Правда, с таким именем жить тоже не сахар. Особенно когда после двух часов на морозе наконец проникаешь за кулисы музыкального театра и оказываешься... в сказке. Гелле еще, можно сказать, повезло. Она очутилась не в логове чудовища, а в замке, где красавец рыцарь принялся величать ее «миледи» и угощать загадочными напитками. А может, и не повезло, поди разбери...

Содержание

Прелюдия	5
Часть I. Сделать шаг	7
Глава 1. Явление Христа народу	7
Глава 2. Что такое «не везет»	15
Глава 3. По щучьему велению	23
Глава 4. Все «страньше» и «страньше»	31
Глава 5. Завтрак съешь сам	41
Глава 6. Дом, милый дом	50
Глава 7. Главное, чтобы костюмчик сидел	53
Глава 8. Дон Кехана из Ламанчи	61
Глава 9. Пора в путь-дорогу	65
Глава 10. За дурной головой	71
Глава 11. Много спать вредно	76
Глава 12. Вперед и с песней	85
Глава 13. Контакты с аборигенами	93
Глава 14. Кушать подано, идите жрать, пожалуйста	100
Глава 15. Спать пора, уснул бычок	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Ксения Баштовая

Реалити-шоу «Замок»

© Баштовая К. Н., 2018

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2018

*** * ***

Прелюдия

День у Клоти не задался с самого утра. Мало того что понизили зарплату, так еще и посадили за старый, всем уже надоевший станок. Вот везет Антре, та столько нитей вместе свяжет, только и успевай узелки распутывать да новые оттенки добавлять. Или Лахей, та вообще войнами занимается. Нет, понятно, там по ткани сплошные дыры идут: то одна нитка порвется, то вторая, – но так работа-то интересная!

А тут... Вся работа – плетение длинного цилиндра... Начало цилиндра давно уже затерялось где-то в анфиладах комнат, а ты тут все плетешь да плетешь... И ладно бы цвета новые добавлялись, так нет. Идут две нити – красная и синяя. Сперва плетется рядок синей, потом – рядок красной... Потом они перекручиваются... И так уже до самого конца.

До самого конца алой нитки. Синяя часто рвется, но это не страшно, сделала узелок и все. А вот если порвется красная...

Сперва надо долго и нудно подбирать в корзине с катушками нужный оттенок: не дай Один, промелькнет шерстяная нить или, чего доброго, закрадется неподходящий оттенок... Затем потрошить старое плетение, вытаскивать откуда-то из середины небольшой кусочек синей нитки, привязывать к ней новую... Морока одна! И опять: красная – синяя, синяя – красная...

Красная нить закончилась перед самым обедом. Клоти задумчиво высыпала на пол содержимое корзины, перевернула катушки... Нитки все одинаковы. Различия лишь в оттенках. Ведь синяя и красная нить должны быть очень, как бы это сказать, близки...

Имир, ну как же скучно!

Подобрав необходимый оттенок – багрово-красный? – Клоти медленно взвесила катушку в руке. А та вдруг шустрой мышкой выскользнула из ладони и закатилась куда-то под шкаф! Тяжело вздохнув, парка встала на ноги.

Поиски были безрезультатны. И что теперь делать? Остальные оттенки в корзине не подходят. Распускать всю работу за последние несколько месяцев? Так ведь не Клоти это плела. Работа стольких тружениц прахом!

Решение пришло само. На дальней полке, еще со времен предыдущей хозяйки этих комнат, завалилась едва начатая катушка алых ниток. Разница мала. Никто и не заметит, правда?

Часть I. Сделай шаг

Глава 1. Явление Христа народу

Серебристый туман мерцающими звездочками окутал огромный замок из черного камня. Загляни внутрь его сейчас какой-нибудь глупец, он бы поразился – так пустынные были коридоры.

На календаре было двадцать девятое декабря, на часах – шестнадцать тридцать пополудни, а я... Как там было в кино? Жить, как говорится, хорошо, а хорошо жить еще лучше? Ну-ну... В любом случае сейчас эта пословица-поговорка была не про меня. Нет, ну где это видано? В самом деле, до Нового года осталась пара дней, а у меня... Ну хоть вешайся! Подарков родным не купила, Славка на праздник прийти не сможет, у него, видите ли, выступления какие-то. И угораздило же начать встречаться с парнем, выступающим в массовке в музтеатре! Единственное, что радует, – сегодня на репетицию позвал. Зайдешь, значит, Гелла – это меня так зовут, – с заднего хода, скажешь, что ко мне, тебя пропустят...

Ага, пропустили, как же! А потом догнали и еще раз пропустили! Охранник оказался на всю голову больным, помещенным на терроризме, и черт знает сколько мариновал ме-

ня на морозе, отказываясь впускать! Видите ли, ни на какую Ангелину Васильеву пропуска не поступало! Честно, я уже была готова поубивать всех и вся! Лишь минут через двадцать до меня дошло, что стоит поинтересоваться, поступал ли пропуск на имя Геллы. Как выяснилось, тоже не поступал, но Славка на словах попросил такую пропустить. Нет, я просто не знаю, что я с ним сделаю, когда встречу.

А еще бы мне хотелось выяснить, кто из родителей оказался таким умником, что дал единственной доченьке имя Ангелина. Только и папа, и мама молчат как партизаны. Пару лет назад проскользнуло воспоминание, что меня хотели назвать Анжеликой.

Начитались, блин, Анн и Серж Голон. Или насмотрелись. Одно другого не лучше.

Хорошо, хоть назвали более адаптированным к русскому языку именем.

Правда, и оно мне особо не нравится. Его ж даже сократить толком нельзя. Аня? Ага, а потом объясняй, как звучит твое полное имя. Лина? Спасибо, я еще не настолько фантастики перечиталась! Остается только Гелла.

Вначале все было нормально. В детском саду я была Гелей, в начальных классах – Геллочкой. Проблемы начались в старших, когда по программе пошли «Мастер и Маргарита». Ой, мрак, сколько я тогда вопросов на тему, когда придет Мессир да скоро ли начнется бал, понаслушалась.

Но и это еще не все! Класе в пятом родители дружно

решили, что мне нужно музыкальное образование (ага, всю жизнь просто мечтала!) и отдали учиться меня... играть на арфе! Ну вот просто мечта идиота!

К счастью, в один прекрасный момент папа с мамой решили, что обучение ребятенка игре на столь странном инструменте обходится им слишком уж дорого. И в смысле нервов, и вообще. В итоге я научилась только гамме.

Пентаграмма выведена на полу в главном зале. Змеятся по кромке тонких линий таинственные письма. Горят факелы на стенах, скрываются в полутьме рыцарские доспехи.

В зале всего двое. Мужчина лет сорока, обнаженный до пояса, его волосы посеребрила седина, а в черных как смоль глазах нет ничего, кроме пустоты... И парень лет двадцати пяти – в богатой одежде, шитой золотом.

– Ты все помнишь? – голос мужчины ровен и деловит.

– Да.

Юноша опустил на колено и медленно подал мужчине кинжал с длинным узким, чуть почерненным клинком.

– Да свершится предначертанное... – голос парня чуть дрогнул.

– Да будет так! – в голосе мужчины не было ни тени сомнения.

Да где ж эта чертова дверь! Нет, я, конечно, все понимаю, но куда катится мир?! С каких это пор коридоры какого-то

банального музтеатра петляют, как вдупель пьяная змея?!

Я убью Славку! Нет, я точно убью Славку! Ну где это видано: пригласил на репетицию, а сам... Не мог, что ли, выйти, встретить, проводить за кулисы?

Боже, как жарко!

Я сняла шубу и, перекинув ее через руку, пошла дальше по коридору. Может, встречу кого-нибудь – дорогу спрошу.

На начало репетиции я все равно безнадежно опоздала.

Кровь обагрила линии пентаграмм...

Дверь нашлась. И даже открылась. Когда кто-то с той стороны от души ее толкнул.

Как она мне врезала!

Шуба упала на пол. Голова закружилась, перед глазами замельтешили зеленые бабочки.

Письмена полыхнули алым...

Зажмурившись, я сжала виски, надеясь, что головокружение пройдет. Ой, голова-а-а.

– С прибытием, миледи.

Кто-то осторожно накинул мне чего-то на плечи.

Ась?..

Я осторожно открыла глаза. Лучше бы я этого не делала...

Огромная мрачная зала. Именно зала, комнатой это на-

звать трудно. Серые стены из грубого, плохо отшлифованного камня. Горящие факелы с трудом разгоняют мрак. Слабое серебристое свечение льется откуда-то снизу.

А передо мной... Ой, мама... Дайте мне веревку и мыло...

Парень, стоявший передо мною, мог заткнуть за пояс всех этих Ди Каприо, Шварценеггеров, Машковых и прочих, как сейчас говорят, секс-символов. Что? Шварценеггер – это из другой оперы? Ну, извините, телевизор редко смотрю!

Высокий, стройный, темноглазый (точный цвет не удалось установить все из-за того же полумрака), с черными как смоль, чуть вьющимися волосами.

Все, Слава, я тебя больше не люблю.

Стоп-стоп, не, я, конечно, все понимаю: и мальчик красивый, и вообще – но попала-то я куда?! И чего там мне на плечи накидывали?

Я начала было поворачиваться, пытаюсь оглянуться, но была мягко (хотя и уверенно) остановлена:

– Не стоит, миледи.

Это он мне?!

А парень между тем протянул мне тяжелую золотую (пардон, позолоченную. Золотой она бы сколько стоила?!) чашу (откуда только взял?):

– Выпейте, миледи, это восстановит ваши силы после перемещения.

Я осторожно приняла бокал из его рук и опасливо заглянула внутрь. При неверном и жутко давящем на глаза свете

факелов мне удалось разглядеть, что чаша наполнена чем-то темным, густым. Надеюсь, не яд?

– Э... – осторожно начала я. – Простите, а вы ничего не путаете? Я н-не «миледи», и...

Губы парня тронула легкая улыбка. Ой, мяу. Ну нельзя же так. Я ж сейчас покраснею! У меня уже мурашки (если не слоны) по коже побежали.

– Выпейте, миледи. Выпейте до дна и идите за мной. Я все объясню.

Ну что, рискнем здоровьем?

Я осторожно пригубила напиток. М-м-м-м, вкусно, однако. Я замерла на мгновение, а потом, обнаружив, что биться в агонии мой организм пока не собирается, решительно выпила всю чашу.

А та вдруг растворилась в воздухе.

Парень подал мне руку:

– Разрешите сопровождать вас, миледи?

Я осторожно коснулась кончиками пальцев его запястья.

Кто-нибудь, объясните мне, что здесь происходит?! Куда я вообще иду?! И кто этот... Этот... ну вы поняли.

Ну вот что здесь происходит? Где уже такие знакомые коридоры музтеатра? Почему вокруг стены из серого камня?! Что это за рыцарские доспехи, торчащие в каждой нише?

И где вообще все?! Такое чувство, что я в сонное царство попала! На всем протяжении дороги – ни одного человека! Лишь гулко разносится шум шагов.

Парень остановился перед тяжелой дубовой дверью, медленно провел ладонью вдоль резного наличника.

Дверь открылась сама, так, словно кто-то прятался в комнате. Парень (гм, надо хоть узнать, как его зовут) сделал приглашающий жест, и я послушно проскользнула мимо него, надеясь, что на этот раз попаду куда-то в более знакомое место. Ну, например, все в тот же музтеатр.

Ага, щас! Аж десять раз! Это оказалась спальня. Кровать под балдахином, небольшая тумбочка, резной шкаф, тяжелый мягкий ковер с глубоким ворсом.

В груди шевельнулось нездоровое подозрение. Ой, мама, куда ж я попала...

– Что происходит?! – Я резко повернулась к своему проводнику. – Куда вы меня привели?!

Он прижал руку к сердцу и склонился в поклоне:

– Миледи, перемещение всегда отнимает много сил, вам стоит отдохнуть.

Угу, как в старом анекдоте про бабку с ружьем и мужичка. «Сильничать будешь? Нет? А придется!!!» Пошлая ты, Геллочка, пошлая. Вон человек с лучшими намереньями. Если б еще «миледей» не обзывал да домой отвел, цены бы ему не было!

– Я не устала! Я хочу домой! Я вообще не понимаю, что здесь происходит и...

– Миледи... – Боже, какой у него голос!!! – Вы устали.

У меня как-то странно закружилась голова.

Кажется, в том бокале все-таки что-то бы...

Глава 2. Что такое «не везет»

Хозяйка уже пришла, но пока, увы и ах, еще не приняла своего долга, а значит... Значит, в любой момент могут появиться враги! А раз так, то нужно самому защищаться! В конце концов, из Хаоса постоянно идут нападения. А когда Хозяйки нет, они и со стен могут напасть...

И окутал Замок серебристый туман, затянул седой паутиной каменные стены, поднялся до середины смотровых башен. Каждого, кто сейчас пересек бы границы этого тумана, ждала смерть. Весьма болезненная.

— ...Никто не знает, когда он появился и откуда возник. В Замке не ведутся хроники. Известно лишь, что существует он давным-давно, возможно, с самого начала времен. Неизвестно также, где находится Замок. Есть тысячи миров, они соприкасаются друг с другом, кое-где сливаются, иногда перетекают один в другой. Где-то за этими мирами и находится Замок. Говорят, его основанием служит первоначальный Хаос...

Голос моего нового знакомого обволакивал сладкой патокой. Хотелось слушать и слушать его.

Я очнулась не больше получаса назад все в той же спальне. Через узкие окна-бойницы пробивался сероватый свет. На тумбочке примостилась толстая книга с витиеватым на-

званием на обложке: «Т. Айлес. Зависимость длины хвостов пещерных гномов от возраста, пола, настроения и скорости мурчания. Подземелья, 1729 г. от Р.Ф.». Бред какой-то. Хвосты? У гномов?

Так и не придя к определенным выводам, я встала на ноги и в тот же миг едва не упала, запутавшись в длинном подоле платья. Что за?.. Я в джинсах и свитере была!

Само платье оказалось весьма странного фасона – высоко подпоясанное, с длинной юбкой, чуть приподнятой спереди – отчего сзади образовывался длинный, до пола, шлейф, – из-под которой при ходьбе выглядывала еще одна. И туфли на мне были. Из мягкой кожи, на маленьком-маленьком каблучке.

Я не поняла юмора. Меня кто-то переодевал? Убью. И скажу, что так и было!

Ходить в этом платье было невозможно – юбка жутко путалась в ногах, – так что до двери я добралась чудом. Этим самым чудом оказалась тумбочка, за которую я, в очередной раз падая, умудрилась ухватиться, стряхнув-таки на пол книгу. Теперь она называлась «Дж. Энайн. Ключ и звезда: пособие для начинающих взломщиков-астрологов. Эрвет, 5743 г. от Х.В.»

Прелестно! У меня начались галлюцинации. Это, наверно, после того напитка из золотой чаши.

Геллочка, солнышко, о чем ты думаешь?! Галюники у тебя начались гораздо раньше, когда ты увидела парня своей

мечты, который тебе эту самую чашу протягивал! Будь честной хотя бы с самой собой: Славке до него чхать и чхать. Да и встречалась ты со Славкой лишь для того, чтоб не отставать от подружек, которые с кем-то там встречаются, а вот ты...

Так, ладно. Решать, что в настоящий момент является плодом моего больного воображения и когда эти плоды посыпались-таки на мою бедовую головушку, мы будем потом. Пока пора из этого бреда выбираться.

А раз так, то надо хотя бы выловить доброго дядю-санитара с такой нужной сейчас смирительной рубашкой. Бр-р-р! Отвратительная картина!

Хотя я искренне надеюсь, что вон тот... ну... вы поняли, — не мой глюк. И не добрый дядя-санитар. А то найти с ним общий язык будет очень трудно. Господи, ну о чем я думаю?!

Глюки, как известно (ну ладно, неизвестно, это я сама сейчас придумала), появляются сразу, как о них вспомнишь. Так что неудивительно, что, когда я наконец, путаясь в подоле, доковыляла до двери, та мгновенно распахнулась. На пороге, естественно, стоял ОН. Ага, именно так. С большой буквы.

Тут по тексту следует потрясенно-восхищенный вздох, но не будем отвлекаться. Кажется, я хотела сказать, что теперь получила полную возможность рассмотреть своего нового знакомого. Знакомого, а не глюка, я сказала!

Глаза зеленые-зеленые. Как омуты. Вьющиеся, слегка растрепанные темные волосы до плеч (гм, я это, кажется, уже

говорила. Ну да ладно). Каждая черточка лица словно вылеплена искусным скульптором. Банально, не спорю, но в тот момент мой шизофренический мозг наотрез отказался выдавать другое сравнение. Стройный, высокий.

И довольно странно одетый (то, что я эту странность заметила, означало одно: ожил задремавший здравый смысл). Белоснежная кружевная рубашка, узкие черные брюки и высокие сапоги-ботфорты.

– Как вы себя чувствуете, миледи? – прервал мои, будем считать, размышления голос ну... вот этого, в общем.

Так, Геллочка, спокойно, возьми себя в руки, прекрати истекать слюнями и мысленно умирать из-за того, что сей хлопеч никогда на тебе не женится. Ну, какая ты и какой он? Ты, конечно, не страшная, так, обычная. Но он-то?! Да на него девки пачками вешаются! И вообще он, наверно, козел. Ага. И бабник. Ага. И страшный, если как следует посмотреть (ну в смысле, если зажмуриться и вообще не смотреть), как моя жизнь. Ага. Все? Обхаяла парнишку? Успокоилась? Теперь можно спокойненько собрать мозги в кучку и выяснить-таки, что происходит.

– Я себя чувствую нормально, но я не «миледи», и я хочу знать...

– Миледи, – не дал договорить он, – я понимаю, события сегодняшнего дня очень неожиданны для вас, но, надеюсь, вы сможете выслушать меня и...

– Один раз я уже пыталась выслушать! – нетерпеливо пе-

ребила я его. Нет, я вообще белая и пушистая, но извините, когда тебя вытаскивают фиг знает куда, потом травят неизвестно чем, а потом говорят «я все объясню!», поневоле озвереешь. – И закончилось это неизвестно чем!

Парень опустил взгляд:

– Миледи, мне очень жаль, что так произошло, но я не мог рассказать вам все, пока вы были не готовы. Я прошу вас последовать за мной, и тогда я все объясню вам. Клянусь своей честью!

Так, а вот это уже что-то новое. Попробовать поверить ему? Почему бы и нет? Раз уж это глюк (или все-таки нет?), так какая разница? В общем, я подхватила уроненную книгу (точно ведь помню – раньше там было другое название!) и вышла в коридор вслед за парнем.

В глазах юноши сверкнула радость, и когда я проходила мимо него, парень, склонив голову в поклоне, поспешно общил:

– Меня зовут Ллевеллин ап Гвидион, миледи.

«Ап»?.. Это что-то кельтско-валлийское?..

Кстати, а мое имя его, похоже, не интересует?

Разговор о моих странных глюках Ллевеллин решил начать, как он сказал, на вершине Западной башни Замка. На кой черт это было нужно, я так и не поняла. Может, важные беседы не полагается вести в спальне? Ох, опять пошлые мысли в голову лезут!

Моя комната находилась в башне Восточной, так что

прежде, чем мы дошли до места назначения, пришлось некоторое время побродить по запутанным коридорам. И, странное дело, я опять не увидела ни единой живой души.

Наконец мы поднялись на самый верх и остановились на открытой, продуваемой всеми ветрами площадке, слегка прикрываемой широкими каменными зубцами. Поежившись от прохлады, я осторожно подошла к краю, глянула вниз. И тут же сделала шаг назад. Подножие башни... Да какое там подножие – башня почти до середины была затянута синевато-сизым облаком! Туман колебался и выбрасывал узкие, постоянно шевелящиеся, словно живые, щупальца.

Туман охватывал весь не такой уж маленький Замок.

Ллевеллин плавно взмахнул рукою, и рядом со мною появилось удобное мягкое кресло. Магия?! Или все-таки глюк?..

– Присаживайтесь, миледи.

Честное слово, я уже устала говорить, что я не миледи, а потому решила попросту послушать его. А потом заставить выслушать себя.

Я медленно опустилась в кресло. А Ллевеллин сел прямо на пол.

– А себе?!

– Не надо, миледи, – покачал головой парень. – Мое место здесь. У ваших ног.

Ы?.. Что это еще за садомазо?!

– Просто выслушайте меня, миледи, и попытайтесь пове-

ритель, что это не видение и не сон. Тогда вам будет легче привыкаться в Замке...

А поверить было, кстати, очень трудно.

– В любом случае Замок почти вечен. Здесь практически нет жителей, да, впрочем, они ему не нужны. Особенно когда здесь есть Хозяйка и ее Рыцарь.

Рассказывают, все началось более сотни веков назад. Каким-то чудом из одного из сотен тысяч миров в Замок случайно попали двое. Парень лет двадцати пяти и девушка лет восемнадцати. Замок. Он. Он сам – живое существо. Человеку трудно осознать, как это может быть, слишком уж жизнь Замка не похожа на жизнь человека. Но факт остается фактом. Вначале Замок попросту позволил этим двоим жить у себя, а потом... В какой-то момент Замок решил, что ему нужна Хозяйка. Зачем, почему? Это все очень сложно и непонятно. В любом случае, раз Замок решил...

Пришельцы начали изменяться. Очень медленно, шаг за шагом. Сам Замок преображал их. Сперва вроде бы ничего не происходило.

Но однажды это случилось. В Замке появилась Хозяйка. Она стала сильнейшим из магов реальности – ведь ее подпитывала сила первозданного Хаоса, на котором покоится замок, но она оставалась человеком. Обычным человеком, которого, как и любого другого, можно убить. Хозяйку нужно было охранять. Так появился Рыцарь.

Изменения, коснувшиеся его, были сильнее. Я не знаю,

что изменилось в психике, в воззрениях этого человека, но. Но он стал преданным слугой Хозяйки. Слугой, готовым пойти ради нее на край света. Слугой, готовым выполнить любой ее приказ или, не раздумывая, умереть за нее.

Он служил ей верой и правдой. Оберегал от всего, но и Хозяйка смертна. Говорят, в день, когда она умерла, сам Замок грустил о ней.

– Это все очень мило, – перебила я Ллевеллина. – Но какое отношение эта легенда имеет ко мне?

– Миледи, прошу вас, дослушайте меня. В какой-то момент Замок понял, что существовать без Хозяйки он просто не может. И тогда, повинувшись указаниям Замка, оставшийся в живых Рыцарь провел ритуал и призвал из одного из миров девушку, которая и стала новой Хозяйкой. А его сын стал новым Рыцарем.

Какая-то странная мозаика начала медленно, очень медленно складываться у меня в мозгу:

– Вы хотите сказать...

– «Ты», миледи, – мягко поправили меня. – Вам следует обращаться ко мне на «ты». И вы действительно новая Хозяйка Замка.

Глава 3. По щучьему веленью

Если бы Замок мог точно сформулировать свои чувства, он бы сказал, что он... Встревожен? Новая Хозяйка оказалась, мягко говоря, слегка странной. Нет, конечно, и раньше девушки, попадавшие в Замок, не сразу принимали свою роль, но то, как вела себя эта...

– Бред, – только и смогла выдохнуть я.

Ллевеллин чуть обернулся, вскинул голову, смотря мне прямо в глаза:

– Миледи, я понимаю, то, что я говорил, очень странно и неожиданно, но это – чистая правда. Замок действительно существует. Это не видения и не сон!

Прелестно! Начиталась ты, Геллочка, сказок и сама в одну из них вляпалась. По самые уши.

Так, ладно. Предположим, что это правда. Чистая правда от первого и до последнего слова. Но. Я не хочу быть никакой Хозяйкой, я домой хочу! О чем я немедленно и сообщила.

Парень медленно покачал головой:

– Боюсь, это невозможно, миледи. Вы стали Хозяйкой Замка с того момента, как попали сюда. Пути назад нет.

– Но... – я панически начала подбирать подходящую отмазку. – Вы... Пардон, ты же сказал, что для вызова новой Хозяйки проводится обряд какой-то. Проведите его заново!

Тяжелый вздох:

– Это невозможно, миледи. Попросту невозможно.

М-дя. Вот уж точно вляпалась.

Где-то на краю сознания металась медленно помирающая надежда, что все это попросту глюк – ну не может же такого быть, не может!

Не может-то не может. Но ведь происходит же? Нет, конечно, действительно можно списать все на глюк, но вот стоит ли? Не проще ли поверить, что все происходящее реально, раз уж я все равно понятия не имею, как отсюда выбраться? Да и. Если я буду находиться здесь какое-то время, существовать по внутренне-глючным правилам намного проще, чем пытаться с ними спорить. Надо только эти самые правила выяснить.

Ладно, братцы-кролики. Как там в песне про собачек Белку и Стрелку: «Он сказал “поехали” и махнул хвостом»?

– Так, ладно. Предположим, я действительно Хозяйка этого Замка. Тогда правило первое. Я – не «миледи»! Меня зовут Гелла. И без всяких, пожалуйста, «вы». Договорились?

Парень печально покачал головой:

– Простите, миледи, это невозможно. Я называю вас так, как могу. И до тех пор, пока вы – Хозяйка, что-то изменить я не в силах.

Чудненько! Вот только особой радости я так и не чувствовала. Ладно, поехали дальше. Пора расставить все точки над Ё.

– А как насчет тебя? Кто ты?.. Точнее, нет, не так. Я поняла, что ты – тот самый Рыцарь. Вопрос в другом. Зачем ты?

Идиотский, конечно, вопрос, но по-другому я его просто не смогла сформулировать. Нет, ну серьезно. Предположим, я – Хозяйка, он – Рыцарь. И что дальше? Чего, кого, куда и как?

По губам Ллевеллина проскользнула легкая улыбка:

– Я – ваш Рыцарь, миледи. И я исполню любой ваш приказ.

Я поперхнулась от неожиданности. Нич-чего себе. Да брешет, наверно, прикалывается. Нет, я понимаю, он и до этого говорил что-то на данную тему, но не до такой же степени, в конце концов!

– Любой?! Что, если я прикажу, даже с этой башни прыгнешь?!

Рыцарь пожал плечами:

– Прикажете.

Не-э-эт, он точно брешет. Блефует. Ну не похож он на психа-самоубийцу!

– Приказываю!

Н-ну? И что дальше, Рыцарь? Как выкручиваться будешь? Начнешь бледнеть, краснеть и причитать, что погода нынче не летно-прыгательная?

По лицу Ллевеллина не проскользнуло ни единой эмоции. Он просто встал, подошел к зубцам башни и, не оглядываясь, сделал шаг вперед...

Крик застрял у меня в горле. Не знаю, как я очутилась у кромки башни, но... Я вглядывалась в серое марево тумана, искала его взглядом.

Бесполезно. Ллевеллина не было. Лишь черный силуэт медленно растворялся в серебристом мареве.

Я медленно опустилась на пол. Допрыгалась?! Докомандовалась? Можешь радоваться! Салтычиха чертова!

Господи, ну что же делать?! Спрятав лицо в ладонях, я отчаянно захлопала носом. Я ведь только что, своими руками, убила человека! Пусть не я сталкивала его с башни, но это ж я сказала ему. Господи, ну что же он за идиот?! Как можно прыгать с такой высоты из-за того, что кто-то кому-то что-то сказал?!

Господи, ну как это могло произойти?!

По щекам побежали слезы.

– Миледи? Что-то случилось?!

Ыыыы???

Я медленно подняла голову.

Ллевеллин, живой. Рубашка и брюки перепачканы пылью, на рукаве зияет огромная дыра, на сапогах подрана кожа. Но он живой, живой! Я едва сдержалась, чтобы не броситься Рыцарю на шею с радостным визгом.

Но... Как?!

– Э-зачем ты... – Фраза оборвалась. Я запнулась, не зная, как продолжить.

Но Ллевеллин, похоже, и так прекрасно меня понял:

– Я не мог не выполнить ваш приказ, миледи. Это сильнее меня.

– Но... Как?!

– Могу ли я надеяться на ваше прощение, миледи? – вскинул на меня прямой взгляд парень. – Я не успел сказать вам, но пока Рыцарь служит Хозяйке, он не может умереть.

Та-а-ак. Надо что-то делать. И чем скорее, тем лучше.

Что ни говори, а Хозяйка все равно какая-то неправильная. Нет, конечно, и раньше случалось так, что, выполняя приказ своей госпожи, Рыцари погибали, но чтобы вот так... Пожалуй, стоит его слегка изменить. Совсем чуть-чуть. Хотя бы для того, чтобы в следующий раз, прежде чем прыгать с башни, Рыцарь поинтересовался, действительно ли Хозяйка хочет этого.

Молчание затягивалось. Не знаю, о чем думал Ллевеллин, но у меня в мыслях крутился один вопрос: «Что дальше?»

Я просто не представляю, зачем я здесь, что мне делать, как жить и вообще.

– Не желает ли миледи отобедать? – прервал мои мрачные размышления голос Ллевеллина.

Ась? Это он мне?

Гм, ну почему бы и нет.

– Можно, – улыбнулась я.

Рыцарь кивнул:

– Следуйте за мной, миледи, я покажу вам, где находится столовая зала, – медленно повернулся и...

– О боже!!! – только и смогла выдохнуть я.

На спине Рыцаря, где-то на уровне лопаток, на рубашке расплылись огромные кровавые пятна.

– Что-то случилось миледи? – встревоженно повернулся ко мне парень.

Я сглотнула комок, застрявший в горле, и поспешно закивала:

– У тебя. На спине...

Ллевеллин ап Гвидион отвел глаза:

– Падение с такой высоты не может пройти бесследно. А я, прошу простить меня, миледи, сразу поднялся сюда и просто не успел переодеться.

Мой голос больше походил на всхлипывание. Ну не могла я сейчас говорить нормально – это же все по моей вине!

– Тебе очень больно?..

Прямой взгляд:

– Сейчас – нет, миледи.

О господи боже мой, ну как я могла, где были мои мозги?! Он же...

С другой стороны. Откуда я знала, что он не блефует? Что это – правда и он действительно прыгнет, а не начнет подыскивать какие-нибудь оправдания.

Загнав совесть пинками в глубь души, я вздохнула:

– Хорошо, сейчас, я только книгу возьму.

– Какую книгу, миледи? – недоумевающе поинтересовался рыцарь.

– На тумбочке возле кровати нашла. Знаешь, она такая странная! Я готова поклясться, что, когда я в первый раз посмотрела на ее обложку, там была другая надпись! – Подойдя к креслу, то ли созданному, то ли вызванному Ллевеллином, я взяла с подлокотника оставленный томик.

– А, перевертыш, – понимающе протянул рыцарь.

– Пардон?

– Перевертыш, – любезно пояснил Ллевеллин. – В отличие от остальных предметов, находящихся в Замке, эта книга не принадлежит ему. Говорят, она была принесена сюда одной из предыдущих Хозяек. В детстве я пару раз слышал, что эта книга способна помочь. Что-то вроде подсказки, короткого взгляда в прошлое или будущее. Правда, я никогда не слышал, чтобы кто-то из Хозяек действительно пользовался ею.

Ну а мы рискнем. Чем черт не шутит? Раз уж она может подсказывать. Что, кстати, сейчас там написано?

На этот раз книга решила поименоваться «д-р Дж. Б. Рэнд, эск. Суицидальные наклонности как способ выражения паранормальных способностей. Аваллон, 78 945 г. от Сотворения Мира». Прелестно. Одно название чего стоит!

И что ни говори, подсказка столь великолепна.

Короче! Я здесь ничего, никак и нигде не понимаю! Я хочу

домой и...

Хочу? Действительно, а хочу ли я домой? Надо ли мне это? Или нет? В конце концов, магия, сказки...

Вот именно, что сказки!!! Домой я хочу! До-мой!

Осталось только убедить себя.

Вот не понимаю. Что со мной происходит? Вроде бы должна нервничать, ойкать и верещать в полный голос, а сама... Тиха и спокойна. Нет, конечно, не совсем уж тиха и не совсем уж спокойна, но по сравнению с теми «взрывами», что иногда происходили дома, когда, например, Славка со мной не соглашался...

Со мной что-то происходит? Или с миром?

– Миледи? – осторожно поинтересовался рыцарь.

– Да-да, я иду, – согласилась я.

А что мне еще оставалось?

Глава 4. Все «странныше» и «странныше»

Серые камни стен. Мерно горят факелы, и лишь изредка колыхнется язычок пламени и запрыгают вокруг осколки теней. Хозяйка почти приняла свои обязанности. Можно расслабиться и просто наблюдать. Можно. Или нельзя?

Не знаю. И не понимаю. Вообще ничего не понимаю. Сейчас я попросту пытаюсь собрать мысли в порядок. А те, как тараканы, нализавшиеся «Машеньки», – разбегаются в разные стороны, прячутся по закоулкам.

И ведь только что все было нормально. Спокойно стояла в башне, мыслить начала как серьезный человек, с происходящим смирилась. Ну, если можно так считать. И вот почему именно мне так не везет?

Сейчас главное – попасть в спальню и забыть. Забыть все, к чертовой бабушке, ни о чем не думать, расслабиться, закрыть глаза. Обойдусь сегодня без обеда. Или завтрака?..

Более или менее устоявшаяся и успокоившаяся психика решила уйти в загул после того, как Ллевеллин, проходя мимо одной из дверей, кивнул в ее сторону:

– Там большой тронный зал, миледи, но вам пока не стоит туда захо...

Рыцарь говорил совершенно спокойно, рассудительно, а потому, естественно, к тому моменту, как он договаривал

последнее слово, я уже была возле этой самой двери и решительно дергала за ручку, дабы посмотреть, как же все-таки этот самый тронный зал выглядит.

Книга выпала у меня из рук. На мгновение обложка посерела, и искусно выписанные буквы начали исчезать, всасываясь в темную кожу обложки. Затем проступили новые письмена.

Но мне, честное слово, было не до этого. В настоящий момент я судорожно хваталась за дверной косяк, искренне надеясь, что не сползу-таки в глубокий обморок.

Зал действительно был тронным. Вот только в тронном зале не должно быть нарисованной на полу пентаграммы, светящейся ровным серебристым цветом. Пентаграммы, в центре которой лежал залитый кровью мужчина.

Окружающий мир медленно выцветал, теряя краски, запрыгали-закружились черные мушки перед глазами, стало нечем дышать. Что-то мягко и почти безболезненно ударило в затылок.

Если бы Замок умел ругаться, сейчас он бы делал это долго и нудно. Нет, ну где это видано, чтоб Хозяйка падала в обморок при виде какого-то мертвеца?! Да и Рыцарь тоже хорош! Мало того что не успел ее подхватить, так еще и сейчас замер перепуганным истуканчиком!

Нет, конечно, его можно понять – не каждый день Хозяйки у тебя на глазах сознание теряют. Вон, предыдущая

так вообще ни разу за всю свою жизнь в обморок не упала. Ну, так то – предыдущая, та вообще была дамой весьма своеобразной. Гвидион ап Хеддин попросту мечтал о том дне, когда можно будет совершить обряд.

Так. Ну, с этой дамой надо что-то делать. И побыстрее, а то отморозит себе еще чего-нибудь.

Рядом с замершим Рыцарем появился небольшой столик на резной ножке, на крышке которого примостилась изящная шкатулка с нюхательною солью.

Окончательно потерять сознание – так это, кажется, культурно называется – мне все-таки не дали, сунув под нос что-то остро пахнущее, а затем (когда окружающий мир начал медленно проступать в сероватом мареве и я попыталась встать на ноги) подхватив меня за руку и помогая удерживать вертикальное положение.

Мотнув тяжелой головой – что отозвалось новой вспышкой боли, – я сконцентрировала мутный взгляд на поддерживающем меня Ллевеллине. Такое чувство, что мозг превратился в кисель и от такого резкого движения разлетелся по закоулкам.

– Ч-что... – слова давались с трудом.

– Как вы, миледи? – встревоженно поинтересовался Рыцарь.

– Отвратно! – выдохнула я, медленно отлипая от стены, на которую, оказывается, все это время опиралась.

Коридор закружился.

Ллевеллин опять поддержал меня, а потом, подумав, и вообще взял на руки:

– Миледи, мне кажется, будет лучше, если я отнесу вас в вашу комнату.

Ой, ма-а-ама.

– Не надо! – отчаянно, в меру своих возможностей, задержалась я. – Я и сама могу!

Комната забултыхалась, я сжала зубы, прогоняя приступ тошноты, и упрямо повторила:

– Я и сама.

Мягкая улыбка:

– Я не уверен, миледи.

Вздохнув, я сдалась. Положила голову на плечо Ллевеллину. Черные волосы, пахнущие неизвестными пряностями, щекотнули лоб. Ллевеллин, господи, Ллевеллин. Он такой... Была бы моя воля, так бы и сидела. А волосы пахнут ночной фиалкой. А в уголках глаз притаились ранние морщинки. Из-под кружевного воротника выглядывает тонкая золотая цепочка. От рубашки пахнет кровью и пылью. А через тонкую ткань моего платья очень хорошо чувствуются его руки. Тонкие, музыкальные и очень сильные пальцы. Ллевеллин...

Наваждение длилось несколько очень долгих мгновений, а потом меня словно ударило! Господи, ну о чем же я думаю?! Дома на парней вроде не кидалась, а тут! Вообще с

ума сошла с этим Ллевеллином.

– Ллевеллин?

– Да, миледи? – он повернул голову.

Его волосы вновь щекотнули мне лоб. Сердце сладко екнуло и оборвалось.

Так! Стоп! Спокойно, Геллочка, спокойно! Собралась быстренько с мыслями, и давай наконец выясним, с каких пор в традиционно-средневековых тронных залах лежат трупы?

– Ллевеллин, – осторожно начала я, – объясни мне, пожалуйста, кто... – я запнулась и попыталась найти более обтекаемую формулировку: – Что произошло в тронном зале? Ты ведь знал, что там.

– Знал, – кивнул Рыцарь. – Прошу простить меня, миледи, я не успел сказать вам.

Интересно, каждый наш диалог будет начинаться с его извинений или через раз?

Я молчала, и Ллевеллин тихо продолжил:

– Точнее, мне казалось, что еще рано говорить об этом. – Рыцарь даже не замедлил шага и совсем не запыхался. Такое чувство, что он несет легенький букетик, а не тащит пятьдесят с лишним килограммов живого веса!

– О чем «об этом»? – Непокорная прядка из шевелюры Ллевеллина защекотала мне нос. Ой, я же сейчас чих... чих... ну!

Ага. Чихнула.

Прямо ему в ухо.

Парень, похоже, даже не заметил. Ну и сила воли!

– Обряд призыва. Замок не может, не хочет подолгу оставаться без Хозяйки, – медленно начал Ллевеллин, осторожно подбирая слова – боится, что после обчихания я ухо ему просто-напросто откушу. – Как я говорил, Хозяйка смертна. И в день, когда она погибает, Рыцарю становится незачем жить. Тогда он проводит обряд призыва. Этот ритуал довольно прост: пентаграмма в главном зале существует постоянно, но светиться начинает только после смерти Хозяйки. Кровь Рыцаря и является тем... – он запнулся, – ключом, что открывает дверь в иные миры. А смерть приводит Хозяйку в Замок.

А-бал-деть. А я даже не задумывалась, что значит обро-
ненная Ллевеллином фраза о том, что после смерти первого
Рыцаря Рыцарем стал его сын.

Вопрос сам сорвался с губ:

– Ты меня ненавидишь?

Рыцарь сбился-таки с шага.

– Почему я должен ненавидеть вас, миледи? – удивленно
поинтересовался он.

В голосе Ллевеллина не было ни малейшего намека на из-
девку. Похоже, он действительно не понял вопроса.

Я страдальчески закусила губу, собираясь с мыслями, а
потом медленно заговорила, с трудом подбирая слова:

– Просто. Получается, что. Это я виновата в смерти твоего

отца?

– Понимаете, миледи, – вздохнул Ллевеллин, – любая жизнь заканчивается смертью. Просто. Смерть Рыцаря служит определенной цели. Я знаю и знал это всегда. Я вырос с мыслью о том, что однажды обряд призыва буду проводить я. Так что ненавидеть вас – за это – я просто не могу.

Мне показалось, или слова «за это» он выделил голосом?

Впрочем, поразмышлять на данную тематику мне не дали – рыцарь толкнул плечом какую-то дверь, а потом, проскользнув в комнату, осторожно усадил меня на короткий диван, похожий, скорее, на широкое кресло.

– Мы в вашей комнате, миледи. – «Да?! – подумала я. – А почему здесь так все изменилось?!» – Принести вам обед?

От одной мысли о еде мне стало дурно.

– Н-нет, спасибо! – поспешно выдохнула я. – Как-нибудь потом.

– Как будет угодно, миледи!

И Рыцарь с легким поклоном выскользнул из комнаты.

Так... Геллочка, солнышко, давай в очередной раз соберем мысли в кучку и попытаемся подумать. Нет, Гелла, оглядывать комнату и возмущенно вопить, что кто-то сделал ремонт, будем потом. Да, из комнаты исчезла кровать. Да, появился этот самый креслодиван. Да, у дальней стены притаился заставленный толстыми томиками книжный шкаф, из-за которого выглядывает небольшая, струны на двадцать четыре, арфа. Арфа? Арфа??? Арфа?! Господи, закрой уши,

мне выговориться надо!

Справившись со столь неутешительными мыслями, я вновь оглядела комнату и почувствовала, что мне сейчас станет дурно: прямо на моих глазах по полу расстелился толстый ковер, стены затянули разноцветные ткани, а узкое окно-бойница раздвинулось, отрастило широкий подоконник и застеклилось витражом с изображением коленопреклоненного рыцаря. Не Ллевеллина.

Так, стоп. Стоп, я сказала! О внезапном изменении Замка будем думать потом. А сейчас пора наконец определиться с собственными эмоциями. И разобраться с Ллевеллином. Ну, ненормально же это, когда молодой, здоровый, красивый (голос за кадром: «Очень!») парень чуть ли не боготворит тебя! Ненормально! Хотя и приятно.

Да и я хороша! Не знаю, что со мной творится, но мысли скачут, как наскипидаренные зайцы! То мне резко домой хочется, то мгновенно, безо всякого перехода, мечтаю остаться здесь. То спокойненько думаю о всяких пустяках, то чуть на Ллевеллина не кидаюсь!

Тихо скрипнула дверь.

– Миледи?

А вот и он. Легок на помине!

– Простите за беспокойство, миледи, вы обронили книгу.

– Ага, спасибо, – рассеянно кивнула я.

Рыцарь положил томик на подлокотник и выскользнул из комнаты.

М-да. Что ни говори, а дурдом тут полнейший! Даже книги постоянно меняются.

Кстати, о книге: как она там сейчас называется?

На этот раз томик решил поименоваться «Мифами и легендами различных миров» под редакцией некого Ф. Айрирэ. Оригинально, однако.

Интересно, а этот манускрипт хоть открывается? Или тут обложка склеена?

Я потянулась к томику, но тот вдруг выскользнул у меня из рук, упав на пол и раскрывшись где-то посередине. Так. И что тут у нас?

«...Замок. И живет в нем Хозяйка с Рыцарем. И служит ей Рыцарь верой и правдой. Но смертна Хозяйка, и призывается в Замок новая...

Но не всякая дева может стать Хозяйкой в Замке. И меняется тогда девица, и становится такой, как удобно Зам...»

Дальше на странице, написанной от руки, расплозлось огромное чернильное пятно. Однако... Похоже, эта легенда имеет ко мне самое что ни на есть прямое отношение. Ну не может же быть такого совпадения?! Оч-чень интересно.

И что тогда получается? Эти все перепады настроения, это вот странное общение с Ллевеллином – из-за того, что Замок изменяет меня?! Нормально, ничего не скажешь.

Не хочу я меняться! Не хочу! Меня вполне устраивает, какой я была! Может, слегка суматошной, может, слегка нервной, может, слегка инфантильной – это уже по словам роди-

телей, — но я — это я и меняться не собираюсь!

Но как же тогда определить, какую мысль подумала я, а какую мне подсказал Замок?

Надо что-то делать. Вопрос только — что?

Хотя стоп, у меня есть идея. Во-первых, нельзя сидеть сложа руки. А что делать? Правильно. В обморок я уже не падаю, значит. Значит, позавтракаем (пообедаем? поужинаем?) с Ллевеллином, и нечего здесь мне Средние века разводить! А то знаю я этих рыцарей, «Айвенго» читала! Сейчас начнется: «Ну что вы, миледи, ну я не могу есть с вами за одним столом» — и так далее, и тому подобное. А затем отправимся исследовать Замок. Надо ж определиться, что это за место, в которое я попала.

Изучим его весь, а потом будем действовать по обстоятельствам.

Отличный, кстати, план!

Ага, а еще я жутко скромная.

Глава 5. Завтрак съешь сам

Итак, решено! Берем себя в руки, обедаем, а потом идем обследовать Замок. В конце концов, Хозяйка я тутошняя или где?!

Вот только, прежде чем идти, надо найти сумочку. Для книги. Какой-никакой, а подсказчик. А то от Ллевеллина толку мало. Сперва даст кирпичом по голове, а потом сообщит: «Простите, миледи, я не успел сказать. Каждая Хозяйка проходит такой обряд посвящения...» И глаза такие несчастные-несчастные. Так бы и поцелова... Бр-р-р, куда это меня занесло?!

Итак, сумка для книги. Вот только где ее взять?

Я огляделась по сторонам. Где в классическом средневековом замке может находиться сумка?

Вариант первый – шкаф. Вариант второй – письменный стол. Вариант третий – соседняя комната. Вариант четвертый – соседние комнаты.

Я встала на ноги и, путаясь в длинной юбке, отправилась претворять план в жизнь.

Сумка обнаружилась сразу. В шкафу. Лежала на полке, прямо напротив моих глаз.

Остальные полки были девственно пусты и чисты. Даже без малейшего намека на пыль.

Впрочем, я и сама могла догадаться, что сумка окажется

именно там, куда я посмотрю. Замок ведь живой. Он помогает Хозяйке. Наблюдает за ней. Следит.

Реалити-шоу себе, блин, устроил!!!

Гм, ладно. Не будем о печальном. Займемся лучше делом!

А раз так – вперед!

Бодро помахивая сумочкой – красивой, шитой бисером, – я вышла в коридор. Так-с. И где нам искать Ллевеллина? Я же без него ничего здесь не найду!

И даже если найду. Что я, одна обедать буду?!

Я энергично огляделась по сторонам, изучая обстановку. С того момента, как Ллевеллин затащил меня в комнату, коридор успел измениться: на серых, грубо отшлифованных камнях стен появились разноцветные гобелены. В нишах возникли высокие – мне по пояс – вазы. По полу протянулся алый язык ковровой дорожки.

Как там говорил Рыцарь? Замок подстраивается под Хозяйку? Ну-ну.

Или он этого не говорил? Тогда откуда я это взяла? М-да, судя по всему, в ближайшее время я точно свихнусь. Если уже не.

Оптимистично, однако.

Стоп. Если Замок весь такой разумный, может, он мне подскажет, где Ллевеллин?

Я огляделась по сторонам и тихо, вполголоса (не дай бог, Рыцарь услышит, засмеет же!) сообщила:

– Я хочу найти Ллевеллина!

Если бы Замок был человеком, сейчас он бы пожал плечами. Хочешь? Ну, хоти дальше. В конце концов, кто здесь Хозяин? Ты. А раз так – вперед! Почувствуй свою силу, пойми, в чем она проявляется!

Молчание было ответом. М-да, Геллочка, это именно про тебя: «Такой большой – в данном случае большая, – а в сказки веришь». Ну, раз гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе! А что ему еще остается, если последнего осла, на котором поехать можно было, вчера продал? Гм, ну я отвлеклась. Причем мысли ушли совершенно куда-то в сторону.

Вот только куда мне идти? Направо по коридору или налево?

Самое время встать в гордую позу и заявить, что наше дело правое, а значит, надо идти направо. А вот нефиг! Будем действовать наоборот!

Я вздохнула и уверенно направилась налево. Чем черт не шутит?

Искренне надеюсь, что Замку я нужна живой и относительно здоровой. Если я здесь заблужусь...

Пройдя энное расстояние – замерять по метрам и сантиметрам как-то в голову не пришло, – я обнаружила первую дверь. Так, что тут у нас?

У нас тут оказалась винтовая лестница, ведущая вниз. По-

шли? Гм, и у кого я сейчас спрашиваю?

Шаги едва слышны. Интересно все-таки, куда делись набойки на моих сапогах? Я бросила короткий взгляд на ноги и уточнила вопрос: куда делись мои сапоги?! Ну, те, в которых я в Замок изначально попала? Кто меня все-таки переодевал?

Этажом ниже коридор расходился под прямым углом. Для разнообразия я на этот раз решила пойти направо. Благо в той стороне виднелась еще одна дверь. Остается только надеяться, что за ней не тронный зал! Широко перекрестившись для верности, я толкнула дверь.

Вы таки будете смеяться, но за дверью я обнаружила Ллевеллина. Судя по всему, я попала сейчас именно в его комнату. Рыцарь, уже успевший сменить рубаху, был занят. Он играл в шахматы. Не знаю уж, с кем, но факт остается фактом: Ллевеллин играл черными фигурами, белые двигались сами.

Услышав мои шаги, юноша вскинул голову, повернулся ко мне, а потом и вовсе вскочил на ноги:

– Миледи? Прошу простить меня, я не услышал, как вы вошли.

Ну а я о чем говорю? Все диалоги начинаются со слов «извините, миледи, был не прав».

– Сыграем в шахматы? – перебила я Рыцаря, чтобы не слышать в очередной раз его извинений.

Поклон-кивок:

– Как будет угодно, миледи. – Пряди черных волос качнулись подле лица.

Ллевеллин поставил мне мат на пятнадцатом ходу. Здесь попрошу без неприличных намеков – все в пределах норм поведения в общественных местах. Мат – это тот, который за шахом идет, а не тот, которым выражаются всякие нехорошие личности, и даже не тот, что валяется в спортзале. Что ни говори, а прогресс! Когда я играла в шахматы с отцом, он выигрывал у меня ходу на десятом. Да, я не Карпов с Каспаровым (а что, с первого взгляда не заметно?), но, по-моему, для нормальной жизни вполне достаточно начальных знаний на тему того, как ходят фигуры, все эти миттельшпили – излишни, тем более что гроссмейстером становиться я никогда не собиралась.

А теперь и не стану, а, ладно, забыли!

– Ллевеллин, пошли обедать?

– Как будет угодно миледи.

Я повешусь!

Боже, но какой у него голос! Чуть суховатый, но в то же время мягкий, обволакивающий. Так и хочется слушать, слушать, слушать.

Тьфу, о чем я только думаю?! Сгинь, наваждение!

Столовая, к счастью, оказалась не в тронном зале, хотя и поблизости от него. Ллевеллин проводил меня к невысокому помосту, на котором стоял тяжелый дубовый стол:

– Прошу, миледи.

Я осторожно обошла стол и уселась на стул с высокой, покрытой резьбой спинкой. И?.. Что дальше?

Ллевеллин отступил на несколько шагов назад, медленно провел ладонью перед лицом. Как-кие у него глаза! Боже, какие глаза! Лицо совершенно спокойно, а глаза... как у обиженного ребенка, у которого отняли последнюю конфету, пообещав взамен отвести в зоопарк, а потом обманули.

Гелла, ну о чем ты думаешь?!

По деревянной, покарябаной кое-где столешнице расстелилась белоснежная скатерть. Прямо передо мной появилась тарелка. Потом – какие-то досочки, ножи (чуть ли не кинжалы натуральные!), сложенная треугольником салфетка и ложка, завернутая в полотенце.

А еще через миг столешницу заполонили разно-образные блюда. Особенно меня поразил виденный до этого только в фильмах запеченный лебедь, в перьях. Гринписа на них нет!

Следующее потрясение меня ждало через несколько секунд, когда Ллевеллин заявил, что его долг – прислуживать Хозяйке за столом, и даже попытался это сделать. Не знаю, каким чудом, но мне удалось-таки не послать его далеко и надолго.

– Ллевеллин, знаешь, я прекрасно справлюсь сама!

Рыцарь оскорбленно вскинул голову:

– Это мой долг, миледи! Рыцарь должен прислуживать за столом Хозяйке, подавать блюда, нарезать мясо и хлеб.

Мне стало дурно.

Я, конечно, все понимаю. Хозяйка. Рыцарь. Помощь. Но не до такой же степени!

Вот только не надо мне речь толкать о том, что официантки в кафе тоже обслуживают посетителей. Это – совсем другое дело!

– Я справлюсь са...

– Это мой долг, миледи! – тон такой, словно я предложила Ллевеллину что-то не совсем приличное или совсем неприличное, а он отбивается из всех сил.

– Я приказываю тебе не делать этого, – с трудом выдавила я.

Все-таки, как ни крути, приказывать мне раньше не приходилось. Ну, если не считать случая, после которого Ллевеллин сиганул с башни.

Рыцарь дернулся, словно от пощечины.

– Как вам будет угодно, миледи, – процедил он.

Теперь уже дергаться, от презрения, прозвучавшего в его голосе, пришлось мне. Но я же не хотела! Честно! Ну не могу я смотреть на то, как он сейчас тут прыгать да распинаться будет!

Я опустила глаза, сверля взглядом столешницу. Ллевеллин обиженной статуей замер неподалеку и даже, кажется, дышать перестал.

Ну вот. Допрыгалась, Геллочка, со своими командами? Может, для полного счастья, прикажешь ему сейчас еще раз с башни сигануть?!

Стоп. А если... Я ведь с самого начала собиралась...

– Ллевеллин, – тихо окликнула я Рыцаря.

– Да, миледи?

Как же сформулировать вопрос?

– Ллевеллин, а что у нас сейчас? Завтрак, обед или ужин?

Так-с, теперь он окончательно поймет, что я круг-лая иди-отка.

К моему удивлению, Рыцарь вскинул голову к потолку, словно надеясь обнаружить там ответ. Некоторое время помолчал (видно, ответа так и не обнаружил), потом вздохнул:

– Судя по времени, завтрак, миледи.

Мм, однако.

Я шла к Славке к шести часам вечера. Такая разница во времени или я без сознания столько пробыла?

– Ты сегодня завтракал? – продолжила допрос я.

Во взгляде парня проскользнуло что-то вроде удивления.

– Н-нет, миледи.

Так, Геллочка, спокойно. Берем себя в руки и четко формулируем свое пожелание. Главное – не смотреть Ллевеллину в глаза. А то я опять начну в прострацию впадать. Он же такой, такой...

ТЬфу! Опять всякая чушь в голову лезет!

Ладно, поехали.

– Ллевеллин, я не приказываю, я прошу, ты не... – И как сказать? «Ты не присоединишься ко мне?» Еще подумает какую-нибудь гадость. – ...Не позавтракаешь вместе со мной?

Сейчас он меня пошлет. Скажет что-нибудь вроде «не положено, миледи!». И что тогда? Приказать? Ну уж нет. Мне и пары предыдущих раз за глаза хватило! Значит, сам виноват будет, если голодным останется!

– Как вам будет угодно, миледи! – внезапно улыбнулся Рыцарь.

Ни-че-го не понимаю.

Глава 6. Дом, милый дом

После завтрака я попросила Ллевеллина показать мне Замок. А то что это такое! Сама – Хозяйка, а что где находится, понятия не имею! Хотя с моим-то топографическим кренинизмом никакая экскурсия не поможет!

По итогам двухчасового блуждания по Замку выяснилось, что отныне я – счастливая обладательница огромного тронного зала (того самого, с пентаграммой. Правда, туда меня Рыцарь не заводил), комнат Ллевеллина (уму непостижимо. Комнаты его, а так – мои), нескольких гостевых комнат, моих личных покоев: библиотека, парочка соларов (это, как оказалось, были своеобразные комнаты отдыха), конюшня (пока пустая. Как сказал Ллевеллин, «кони появятся, когда они будут нужны вам, миледи»), несколько комнат для слуг (тоже пустых. «Слуги появятся, когда...» и дальше по тексту), казармы (вы таки будете смеяться – пустые), кухня (туда меня не пустили, мотивировав чем-то вроде «вам туда действительно надо?»), пекарня, несколько хранилищ и амбаров, а также глубокое подземелье (то самое, основывающееся на первозданном Хаосе. Увы, туда меня тоже не сводили).

Вот только я все равно сомневаюсь, что смогу хоть что-то найти.

– Ллевеллин, – жалобно поинтересовалась я, – а ты меня повсюду-повсюду будешь за ручку водить? А то я тут заблуж-

жусь!

– Разве, миледи? – удивленно заломил бровь Рыцарь. Ах, какой он, какой... Заткнись! – Мне кажется, вы теперь прекрасно разбираетесь в расположении комнат.

– Шутишь? – хмыкнула я.

– Ничуть. Где, например, сейчас находится кухня?

– Западная башня, второй этаж, направо. Возле хранилищ и тронного зала! – бодро оттарабанила я и так и замерла с открытым ртом.

А-бал-деть.

– А, например, пыточная? – не отставал Рыцарь.

А у нас и пыточная есть?! Почему мне никто ничего не говорил?!

– Подземелье, третий этаж, второй поворот направо, – четко поведала я, все глубже впадая в прострацию с каждым новым слогом, срывающимся с губ.

А Рыцарь улыбнулся. Ой, Ллевеллинчик, солнышко, лапочка, зайнька, ну, улыбнись еще раз, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

– Это дар Замка, миледи. Вы никогда не заблудитесь в нем. Тем более что реально запомнить план Замка нельзя. Он каждый раз новый. Комната, что находилась сегодня в подвале, завтра может оказаться в Южной башне. Если ты живешь в Замке, если он признал тебя своим, ты просто чувствуешь, что и где находится.

– А еще? – жадно поинтересовалась я. – Что я еще могу?

Ну, кроме того, что не заблужусь? Ты говорил о способностях Хозяйки, но я до сих пор ничего не почувствовала.

– Вы должны сами осознать свою силу, миледи.

Ага. «Запомни, Люк Скайуокер, твоя сила в голове... Незачем пытаться пробить головой стенку, я в переносном смысле говорил!»

– Кстати, – внезапно вспомнила я. – А из Замка можно выйти?

Рыцарь вздохнул и чинно начал:

– Замок граничит со многими мирами. Часть из них подвластна Хозяйке Замка, и она вольна путешествовать туда.

Ой, как интересно!

– Покажешь, где выход?!

– А разве вы не зна...

– Знаю-знаю, – отмахнулась я. – На первом этаже, возле казарм.

Угу. Осталось только, как в том анекдоте, записочку на тему «здравствуй, милая, я твоя крыша, и я поехала» обноружить.

Глава 7. Главное, чтобы костюмчик сидел

Сразу сбежать мне из Замка не удалось. Выведя меня во внутренний двор (ага, здесь и такой есть), представлявший собой огромную, мощенную досками площадь с кучей построек, Рыцарь внезапно направился в сторону, противоположную той, где, как я чувствовала, находился выход.

– Э, Ллевеллин, ты куда?! – осторожно окликнула я юношу.

Тот соблаговолил обернуться:

– Простите, миледи?

– Разве выход из Замка не там? – я неуверенно ткнула пальцем в сторону огромных деревянных ворот. Закрытых. Рядом скромненько притулился ворот с толстой цепью. Очевидно, для открывания этих самых ворот. «А может, для подъемного моста?» – несмело вякнуло подсознание.

– Совершенно верно, миледи, – кивнул Рыцарь, – но... Вы собираетесь идти пешком? Простите мне мою смелость, но мне казалось, что будет лучше, если мы поедем верхом.

Угу. Поедем. Угу. Верхом. Да я лошадь иначе как в зоопарке отродясь не видела! Как я на ней ехать буду! Издевается он, что ли?!

И вообще, насколько я помню, конюшни пусты, а мне эти кобылы и даром не нужны. Что я, Зорро – верхом рассекать?!

Увы, но моим воззваниям сбыться было не суждено. Всего через пару минут Ллевеллин вернулся, ведя на поводу двух коней: белоснежного с золотой гривой и вороного.

Кажется, такого понятия, как «дамское седло», здесь не изобрели. Впрочем, какая мне разница? Я на коне отродясь не каталась. Мне что дамское седло, что мужское.

Ллевеллина мои печальные стоны не убедили. По его словам, все, что нужно было для начала, – это подойти к лошади, взяться за луки седла, подтянуться, перебросить ногу.

Я, ожидая самого худшего, покорно выполняла его команды.

Я молчу о том, что по физкультуре у меня отродясь ничего выше тройки не было. Я забуду о том, что во всяких там добровольно-принудительных мероприятиях типа «Бегающий город» я в жизни не участвовала.

Как ни странно, но подтянуться мне удалось. Будем считать это помощью Замка.

Проблемы начались сразу после подтягивания. Подол платья оказался настолько узким, что я попросту не могла себе позволить сделать подходящий замах. Пыталась раз пять. Потом наконец плюнула на все это и, спрыгнув на землю, потребовала у Ллевеллина нож (он вытащил его прямо из воздуха) и легким движением руки укоротила юбку до колен.

Рыцарь судорожно сглотнул комок, застрявший в горле, и как-то странно на меня посмотрел. Все! Я поняла! За вопрос, можно ли здесь где-нибудь позагорать в бикини, меня забьют

ногами, как мамонта.

Вторая попытка забраться на коня оказалась еще хуже. Подтягиваясь, я... Пра-а-а-авильно! Со всей дури заехала каблуком в висок Ллевеллину.

Рыцарь невнятно булькнул и сполз на землю.

Я рухнула следом.

Замок флегматично наблюдал за попытками посадить новую Хозяйку в седло. Смеяться ему уже надоело.

Привести Ллевеллина в чувство мне удалось минут через пять. Рыцарь, сидя на земле, печально хлопал зелеными глазками и ошалело мотал головой, отчаянно краснея, когда взгляд случайно падал на мои голые коленки.

Еще через пару минут юноша решил, что хорошего понемножку, и осторожно встал на ноги. Судя по несчастному выражению лица, по голове я ему заехала капитально. Ллевеллинчик, солнышко, ну я же не специально, честно! Ну, хочешь, я извинюсь?

Увы, но к тому моменту, как у меня в голове наконец созрел прочувствованный монолог на тему «дяденька, только не бейте меня ногами», Рыцарь откашлялся и тихо поинтересовался:

– Миледи, как вы?

Ну что он за человек, а?! Я ему по голове заехала, а он обо мне беспокоится?! Не, честно, это уже начинает надоедать!

Нет, конечно, в других обстоятельствах я, может, и порадовалась бы, что обо мне так беспокоятся, но сейчас...

Так, Геллочка, спокойно! Нервничать из-за того, что тебя слишком уж усердно оберегают, будем потом. А сейчас пока – вежливая улыбка:

– Все в порядке, Ллевеллин, не беспокойся.

– Давайте я еще раз попробую помочь вам сесть в седло? – неуверенно предложил парень.

Судя по его напуганному взгляду, Рыцарь проклинал свой длинный язык, но молчать не собирался. Вот только, похоже, воспитание все равно не давало ему плюнуть на меня и пойти заниматься своими делами. Эх, Ллевеллин, где ж ты был, когда я дома была?

Поразмыслив пару секунд, я пришла к неоспоримому выводу, что, пока я нахожусь здесь, Рыцарь мне нужен живым и – хотя бы относительно – здоровым, а раз так... Во-первых, для этой самой верховой езды, как я это представляю, нужно быть в брюках, иначе Ллевеллин может спокойно заматываться в белую простыню и ползти на ближайший погост!

Я попыталась придать голосу командных ноток:

– Так, Ллевеллин, подожди, я скоро вернусь!

Если только не заблужусь в коридорах Замка.

Как ни странно, но свою комнату я обнаружила довольно быстро, видимо, на этот раз Замок решил, что перестановок достаточно, и не стал надо мною издеваться, гоняя вверх-вниз по этажам.

Что еще не могло не радовать: обстановка в комнате практически не изменилась. Так. Что мне сейчас нужно? Ллевеллин же говорил, что Замок подстраивается под Хозяйку?

Итак. Если не углубляться во всякие там интимные подробности, то все, что мне нужно, – это брюки, рубашка, ну и, наверно, какая-нибудь нормальная обувь с каблуком не менее пяти сантиметров. А то я с этими тапочками забодалась. Вот что значит дитя цивилизации. Уже без шпилек жизнь не представляю!

Я уверенным шагом направилась к шкафу, распахнула дверцу. И поняла состояние Ллевеллина при виде моей мини-юбки. Шкафчик, еще с утра пребывавший в состоянии «люди добрые, мы сами не местные, помогите кто чем может», был полон одежды. Нет, честно, я бы спокойно пережила, что там находятся джинсы, свитера и «казаки», но вещи-то, судя по всему, были стилизованы век так под пятнадцатый-шестнадцатый. Ну или чуть позднее.

Я осторожно потянула из стопки одежду невнятно-коричневого цвета. Под ноги мне упало нечто длинное, со стоячим воротником, узкое вверху и расходящееся примерно от пояса юбкой-солнцем. ЧТО ЭТО ТАКОЕ??? «Гаун»¹, – услужливо подсказала память. Чего?! Какой гаун?! Я понятия не имею, что это и с чем его едят!!! На этот вопль, подсознание (или что там мне ответило) реагировать отказалось.

Угу. Гаун, значит. А что тут нам вместо брюк предлагают?

¹ Гаун – мужская верхняя одежда, 1450–1458 гг.

Порывшись в стопке, я нащупала что-то напоминающее то ли рукав, то ли штанину, потянула к себе.

Взору моему предстал длинный-предлинный чулок. На подвязке. И как они мне предлагают это носить?! Там же еще, если верить различным – советским и не очень – кинофильмам, какие-то панталоны прилагаются. Или они позже появились?

В любом случае я это надевать не буду, и они меня не заставят!

Да, но в этой юбке я отсюда не уеду. Впрочем, как и в этих, как их там, гаунах!

И что тогда делать? Попробовать сшить что-нибудь человеческое? Да уж! С моим полным отсутствием навыков швеи-мотористки шить себе порядочный костюм я буду до появления новой Хозяйки.

Может, попробовать пообщаться с Замком?

Как я уже поняла, громкие вопли о том, что мне что-то нужно, здесь не катят. Может, попробовать как-нибудь по-другому? Ну, например, следующее.

Обнаружив на полу возле арфы случайно оказавшийся там (ну да, будем считать, что я поверила) кинжал, я сделала на и без того короткой юбке разрез до... ну, грубо говоря, чуть ли не до пояса и, бросив на пол вышитую подушечку с дивана, уселась на нее, скрестив ноги и прикрыв глаза. Все! Не беспокоить! Впадаем в эту, как ее... Да не протрацию – нирвану!

Как там правильные мантры звучат? «Вломмммммммм».

Кто сказал «бородатый анекдот»? Хозяйка я здесь или куда?!

Замок с интересом наблюдал за абсолютно немелодичным мычанием новой Хозяйки. Похоже, она решила поизображать корову...

Мантры ни к чему не привели. Нормальная одежда в шкафу так и не появилась, хотя я честно пыталась минуты три.

Мрачно вздохнув, я встала на ноги и, швырнув подушку обратно на диван, принялась отряхивать пыль со штанов.

Стоп! Кажется, здесь кто-то тормозит, и, надеюсь, это не я.

За небольшой дверкой в дальнем углу обнаружилось зеркало. Минут пятнадцать крутилась, рассматривая собственное отражение, и наконец пришла к неутешительному выводу, что могло быть и лучше. Брюки до колена какого-то странного мышастого цвета. Кожаный пояс с огромной, в два моих кулака, бляшкой. Голенища у сапог настолько широкие, что хоть лентами их подвязывай. Единственное, что порадовало, – рубашка. Кружевная – из тонкой, легкой, но не особо просвечивающейся ткани. Украшена она была брошью-камеей с крошечным замком.

Ллевеллин от моего наряда был в шоке. Он краснел, бледнел, закатывал глаза и сверлил взглядом землю, наотрез от-

казываясь поднять на меня глаза. Мне пришлось минут двадцать улыбаться ему, наивно хлопать глазками и вообще изображать из себя дурочку. Благо папа всегда говорил, что тут мне и притворяться не надо. И лишь к исходу этих самых двадцати минут мне наконец удалось выбить из Рыцаря честное и откровенное признание, что женщинам «не положено ходить в мужских платьях». Прелестно!

Задумчиво почесав голову, я не придумала ничего лучше, как сообщить:

– Я здесь Хозяйка? Хозяйка. А раз так, буду ходить в том, в чем мне нравится! Вопросы есть?

– Нет, – печально выдохнул Рыцарь, а я вдруг почувствовала себя последней сволочью.

Ну вот за что мне это, а? Я что, гадость ему какую сказала? Нет! Веду себя тихо и скромно, прям как ангел во плоти, а в итоге... Ну вот что меня так совесть грызет?! Кому я какую гадость в этой жизни сделала? Про выдавленный в Славкины ботинки тюбик «Момент» вспоминать не будем! И вообще, он сам во всем виноват.

Ладно. Забыли. Тут встает другой вопрос. Как мне попасть в седло? Тем более что оба коня, про которых все благополучно забыли, тихонько слиняли куда-то далеко и надолго – лишь хвосты, переплетенные алыми ленточками, мелькнули в дверях конюшни.

Глава 8. Дон Кехана из Ламанчи

Очередная попытка забраться в седло оказалась удачнее. По крайней мере, новых телесных повреждений я Ллевеллину не нанесла. Откуда такие канцеляризмы? Ну... Я регулярно смотрю «Улицы набитых фонарей». Или «разбитых», забыла, в общем. Забравшись-таки на спину коню и гордо замерев, оглядываюсь по сторонам. О том, что за луку седла я цеплялась обеими руками, я рассказывать не буду. Я же героиня. Хозяйка, в конце концов! А то потом прочитают далекие потомки мои мемуары и будут над прабабкой хихикать.

Да, Геллочка, самомнение, конечно, у тебя из всех дырок прет. И вообще от скромности ты не умрешь.

Кошмар начался, когда мой скакун решил, что хорошего понемножку: постояли и хватит, — и медленным шагом направился к воротам. Истерично завизжав, я еще крепче вцепилась в седло.

Ой, ма-а-а-ама-а-а-а! Я же сейчас рухну! Тут же трясет во все стороны!

Конь, которому мой вопль начинающей баньши явно не понравился, удивленно замер и принялся задумчиво трясти головой, соображая, что же это такое визгливое на нем сидит.

Я замолчала.

Конь недоумевающе фыркнул. Сделал шаг.

Я предупреждающе взвизгнула.

Конь остановился.

Ллевеллин быстрым шагом подошел ко мне и как-то укоризненно поинтересовался:

– Миледи, что происходит?

– Я бою-у-у-усь! – тихо проскулила я, сверля взглядом спину коня и не отваживаясь посмотреть в глаза Рыцарю.

Сейчас он начнет неприлично хихикать. На всякий случай я предусмотрительно хлюпнула носом.

К моему удивлению, смеяться юноша не стал.

– Миледи... – осторожно начал он, как-то опасливо косясь на меня. Опасается, кусаю? – Я не уверен, что вам стоит бояться. – О! По крайней мере, не извиняется – уже прогресс. – Прошу простить мне мою дерзость. – Сглазила-а-а-а! – Но вы Хозяйка!

– И что? – мрачно поинтересовалась я. – Это поможет мне не навернуться с коня?

Ллевеллин непонимающе уставился на меня. Ясненько, современный сленг мы не понимаем.

Я откашлялась и постаралась сформулировать вопрос конкретнее:

– То, что я Хозяйка, спасет меня, когда я со всего размаха долбанусь головой о камень?

Ответом мне был еще один абсолютно ничего не понимающий взгляд.

Мне вот интересно. Мы что, на разных языках говорим? Тогда как я Ллевеллина понимаю? Надо будет этот вопрос уяснить, но не сейчас.

– Ллевеллин, скажи, – медленно начала я, – почему мне не надо бояться этого Росинанта? Я что, резко так научилась ездить на коне? Так я этого почему-то не чувствую! Мне страшно!

Словно подтверждая мои слова, конь сделал шаг вперед, меня снова ощутимо повело в сторону. Ой, ма-а-а-ама! Сейчас упа-а-а-а... А-а-а-а?

Как ни странно, но на землю я не рухнула. И даже умудрилась удержаться в седле те несколько мгновений, пока мой «рысак» мирно шагал от середины внутреннего двора до ворот. Ни-че-го не понимаю!

Я жалобно оглянулась на Рыцаря:

– Ллевеллин?

Рыцарь улыбнулся:

– Я хотел сказать вам об этом, миледи, но не успел...

– Так что, – я не дала договорить, – я теперь умею на коне ездить?! Серьезно?!

В голове мгновенно пронеслись образы прочитанных сказок и романов. Сегодня – научиться ездить верхом, завтра – фехтовать, послезавтра – стрелять из лука, послепослезавтра... Я стану величайшей...

– Нет, миледи, – юноша позволил себе еще одну мягкую улыбку, – боюсь, если вы не будете учиться, ездить верхом вы

так и не научитесь. Все дело в том, что этот конь – создание Замка, а значит, он не может причинить вам никакого вреда.

Ну вот. Так и разбиваются детские мечты. Эх. А я-то. Навивная чукотская девочка.

– А то, что я, когда в юбке была, с коня упала? – я попыталась подловить Рыцаря на вранье.

Он пожал плечами:

– Но ведь ничего ужасного не произошло?

И ведь ответить мне ему нечего.

Глава 9. Пора в путь-дорогу

Честно говоря, насмотревшись фильмов, я ожидала, что за воротами меня ждет бескрайнее поле, поросшее луговой травой, вымощенная булыжниками дорога, скрывающаяся за горизонтом. Ага, разбежалась.

Все, что я смогла разглядеть, выехав на опущенный мост (кто его опускал, я так и не увидела – ворот начал вращаться, едва мы с Ллевеллином приблизились к нему), – это туман. Я вглядывалась вперед, но, увы, безрезультатно. Все, что было дальше морды коня, скрывалось в темном мареве. Казалось, протяни руку – и серое облачко упадет тебе на ладонь.

Я испуганно оглянулась на Ллевеллина, чей конь замер под сводом ворот, как раз между двумя опускаемыми решетками:

– Так что, отсюда все-таки нельзя выйти?!

– Можно, – еще одна легкая улыбка. Ой, ну зачем он та-а-ак! Я ж сейчас с коня навернусь. Гелла, возьми себя в руки и прислушайся к тому, что он говорит! – Просто Замок еще не до конца свыкся с мыслью, что у него уже есть новая Хозяйка. Вернемся сюда через пару часов – тумана не будет.

А вот не хочу я сюда возвращаться через пару часов. Может, уйти из Замка и нельзя, но постоянно торчать в его стенах не хочу, будь я даже сто раз Хозяйка! Вот только... Я покосилась на щупальца тумана, оплетающие ноги моего ска-

куна, и решила уточнить еще один вопрос:

– А этот дымок скоро закончится?

– Шагов через пятьдесят, – пожал плечами Рыцарь и, прищиприв коня и обогнав меня, на мгновение оглянулся: – Вы едете, миледи?

Я только кивнула в ответ. А что мне еще оставалось?

Переводить шаги (кстати, а чьи шаги-то надо считать – мои? Лошадиные?) в метры меня в школе не учили (вот такая она была отсталая, не математическая), так что, медленно продвигаясь вперед (как придать лошади ускорение, я пока не выяснила), я изо всех сил вглядывалась в туман, надеясь, что вот еще чуть-чуть, и он рассеется.

Туман исчез неожиданно. Только что я пыталась хоть что-то разглядеть в этой мрачной сероватой дымке, только что не отводила напряженного взгляда от Ллевеллина, опасаясь потерять его в этом мареве, – и вдруг лучи яркого утреннего солнца полоснули по глазам. Я на миг зажмурилась, прикрыв лицо ладонью, а когда наконец проморгалась и отвела руку, только и смогла, что восхищенно выдохнуть, не отрывая потрясенного взгляда от расстилающегося вокруг пейзажа.

За туманом находилось все то, что я надеялась увидеть, выйдя из Замка: прозрачно-синее небо, изогнувшееся подобно перевернутой чаше, неестественная зелень высокой травы, шелковистыми прядями оплетающей конские копыта, редкие деревья, вытянувшиеся к небесам, и мощеная дорога, упавшая прямо под ноги скакуну.

А где же Ллевеллин?! Я испуганно заозиралась по сторонам и удивленно ахнула: Рыцарь, ехавший до этого впереди меня, внезапно оказался сзади. А еще – за моей спиной не было ни малейшего намека на Замок. Бескрайнее поле расстиралось во все стороны. И даже дорога, привлекавшая мое внимание, казалось, начиналась – или обрывалась – прямо здесь. Дорога в никуда.

– Но как... – я бросила недоумевающий взгляд на Рыцаря. – Где...

– Замок? – Ллевеллин мгновенно понял, о чем я спрашиваю. – Понимаете, миледи... – кажется, раньше Рыцарю не приходилось отвечать на подобные вопросы, но ответ он знал хорошо. И вот сейчас надо было его сформулировать. – Замок граничит со множеством миров, не принадлежа ни одному из них. Относясь к первозданному Хаосу, он нестабилен, а потому его здесь и нет.

– Ты хочешь сказать, – медленно начала я, – что мы сейчас находимся в другом мире? Я имею в виду, по отношению к Замку?

– Совершенно верно, миледи, – вежливо кивнул Рыцарь.

– А в каком? Конкретно? – не выдержала я. – Что это за мир?

Ллевеллин пожал плечами:

– Боюсь, миледи, я не могу ответить на ваш вопрос. Этот мир максимально приближен к тому, в который вы хотели попасть, выезжая из Замка. Так что сейчас все зависит толь-

ко от вас.

Я некоторое время сосредоточенно думала, пытаясь сообразить, чем же мне это все грозит, а затем...

– Так что, можно попасть куда угодно?! – радостно взвизгнула я. Мне жутко хотелось повиснуть на шее у Рыцаря, радостно дрыгая ногами. Ллевеллина спасло лишь то, что в этот момент мы оба ехали верхом. – Тогда я хочу в Асгард! К Одину, Тору и Локки! – Лет в тринадцать я переболела скандинавской мифологией, выздороветь выздоровела, но рецидивы иногда случались. – Или нет! В Амбер! Прямо сейчас!

Лицо Ллевеллина оставалось серьезным, лишь в глубине глаз светилась ирония. Мне вот интересно: он постоянно на меня будет смотреть как на тихую безобидную дурочку?

Похоже, ответа на этот вопрос в ближайшее время я не получу.

Ладно, бросаем это грязное дело. Выбрались из Замка? Выбрались. На данном этапе развития общества – это главное! А раз так, надо ж хоть посмотреть, куда я попала. А вот выяснить это, как я понимаю, можно только одним способом: отправиться вперед. Благо дорога ведет только в одну сторону.

– Поехали, что ли? – поинтересовалась я у Ллевеллина и, получив в ответ ничего не значащее «как вам будет угодно, миледи», только вздохнула.

Уже проехав пару метров, я на мгновение оглянулась и так и ахнула: дорога-то, оказывается, и в другую сторону вела!

И даже за горизонтом скрывалась. А я-то почему этого не видела?

Я покосилась на Ллевеллина, чей конь мерно вышагивал рядом, и поняла, что спрашивать попросту бесполезно – никакого толкового ответа я не получу. Остается только предположить, что это Замок все подстроил. Ну или Рыцарь только прикидывается таким вот белым и пушистым, а на самом-то деле...

Что там было «на самом деле», я так и не додумала. Вздыхнула, обвела взглядом такой красивый и в то же время такой ненастоящий пейзаж и направилась вперед.

Кони степенно вышагивали по грубо отшлифованным булыжникам. Чуть слышный цокот подков легкой капелью вплетался в пение невидимых птиц.

Я с любопытством оглядывалась по сторонам. Меня по-прежнему отказывалось покидать ощущение ненастоящести. И трава чересчур уж зеленая, и небо чересчур синее, и облака дюже белые, да и Рыцарь слишком уж красивый. Ну, не бывает так, не бывает!

Вот и сейчас. Сидит, та-акой... Глаза серьезные-серьезные – задумался о чем-то. Губы тронула легкая улыбка.

Ну все, я сейчас опять начну в кому впадать. Бли-и-ин, ну за что мне такое наказание! Я всегда себя прилично вела, на парней не кидалась, а тут... С-сализм.

Словно услышав мои мысли, Ллевеллин вздрогнул и покосился на меня:

– Вы что-то сказали, миледи?

Угу, сказала. Ллевеллин, я влюбилась в тебя с первого взгляда, ты мне безумно нравишься и все такое, вызови мне, пожалуйста, «Скорую психиатрическую помощь», я буду тебе очень благодарна.

– Н-нет, – с трудом выдавила я. – Н-ничего. Тебе показалось, все в порядке.

Рыцарь мягко улыбнулся, отчего у меня опять сердце сбилось с такта.

Все, надо запретить ему смеяться. Потому что его улыбку можно со спокойной совестью приравнять к оружию массового поражения. По крайней мере, на меня она действует хуже ядерного взрыва: от атомного грибочка можно хоть в убежище спрятаться, а тут...

Я тихонько вздохнула. А потом вдруг внезапно вспомнила: книга!

Где моя книга?! Вот как сейчас помню: к Ллевеллину в комнату я зашла с книжкой, в шахматы играла, сумочка на спинке стула висела, потом завтракать пошла. И наверно, в столовой и оставила. Склерозматичка ты, Гелла, склерозматичка! Такая книжечка в руки попала! Предыдущая Хозяйка ее небось прямиком из Соловца привезла, а ты!

Это называется – заставь дурака богу молиться.

Ладно, покатаемся по окрестностям, а потом все равно в Замок вернемся. И вот тогда-то я эту книжку из руки не выпущу! Даже спать с ней в обнимку буду.

Глава 10. За дурной головой

Я покачивалась в седле, чудом не слетая на землю. Не знаю, как все эти фэнтезиюшные героини при перемещении в параллельные и перпендикулярные миры мгновенно обучаются – и амазонки-то они, наездницы, и из лука-то стреляют так, что эльфы нервно курят в сторонке, и мечом-то так машут, что классическое былинное «размахнусь – улочка, махну – переулочек» тут попросту не канает. А может, это я такая неправильная, что до сих пор в своих способностях не разберусь?

Честно говоря, эта прогулка могла бы мне нравиться, если бы мне не приходилось при каждом шаге коня напряженно стискивать зубы, опасаясь, что вот сейчас вся магия Замка пропадет и я, вся такая красивая, умная и скромная, как маргышка из анекдота, пикирну на землю. Несмотря на все уверения Ллевеллина, что все чудесно, прекрасно и великолепно, мне было, мягко говоря, очень страшно.

Выловить бы всех этих писателей да заставить покататься вот так, без подготовки!

Ллевеллин, спокойно ехавший рядом, изредка бросал на меня косые взгляды, но молчал, как партизан перед расстрелом. Похоже, в Замке было не принято сомневаться в способностях Хозяйки, а мне так хотелось, чтобы Рыцарь предложил остановиться, отдохнуть. Мы ехали всего минут де-

сять, но я же городской ребенок, я лошадей-коней и прочих кобыл только в фильмах и мультиках видала! А уж о том, что на этом рысаке так трудно ездить, средства мировой кинематографии уверенно молчали.

В общем, не знаю, как там в Замке, но сама попросить о привале я попросту не могла: ехали мы не так уж и долго, и я, если быть честной, опасалась, что в ответ на мою просьбу отдохнуть Ллевеллин согласится, а я буду в его глазах полной неумехой и дурой. Достаточно уже того, что он мои выкрики про Амбер и Скандинавию слышал.

В общем, мне не оставалось ничего, кроме как стискивать зубы и молиться, чтобы в ближайшее время обнаружилась хоть какая-нибудь местная достопримечательность, ради которой можно будет сползти наконец на землю. Ну, полюбоваться там поближе, руками пощупать.

Искомая достопримечательность обнаружилась минут через пятнадцать-двадцать, когда я уже была ни-ка-кая: из-под корней одинокого мощного дуба выбивался тоненький ручеек. Струйка воды бежала по выложенной голышами канавке, и, судя по тому, как извивалась эта самая канавка, выкладывали ее камушками с большого такого похмелья. Хотя, может, неизвестный каменотес ничего не придумывал, попросту облагородив уже существующее русло.

– Привал! – радостно объявила я, резко натягивая поводья.

Уййй! Ну вот почему мне никто не объяснил, что тормо-

зить на этих рысках надо по-другому? Конь резко взвился на дыбы, я истошно завизжала и рухнула прямо на руки уже успевшему спрыгнуть на землю Ллевеллину.

Ой...

А можно я и дальше так посижу? У него на ручках так уютно. Так по-домашнему. Не хочу на землю слезать.

Вот сейчас прижмусь щекой к его груди, закрою глаза и буду так сидеть.

– Миледи? – голос Ллевеллина вернул меня с небес на землю.

Да-да-да, уже слезаю. Ну вот что за жизнь, а? Только начнешь кайф ловить, так сразу такой облом.

Я вздохнула и, на мгновение прижавшись щекой к груди Ллевеллина – на прощание, так сказать, – спрыгнула на землю. Эх, вот это и называется «что такое “не везет” и как с этим бороться». Только начала себя чувствовать слабой и беззащитной, так сразу – «миледи»! А ведь так иногда хочется побыть таким божьим одуванчиком, особенно если рядом такой мужчина, и каждый раз – не получается! Вон, Славка так и говорил: «Тобой, Гелла, командовать нельзя! На тебя где сядешь, там и слезешь!» Не пойму вот только, за что он мне так. Я ведь девочка тихая, мирная и пугливая. И вообще ангел во плоти.

А есть такие гады, которые в это попросту не верят! Отстреливала бы!

Гм, я, кажется, отвлеклась.

Ллевеллин между тем поставил меня на землю, зорко оглядев окружающую местность. Кто сказал, не литературно выражаюсь? Да Льва Толстого небось и читать невозможно-то было! Не зря же Софья Андреевна всю ночь сидела, переписывала, вычитывала. Что бы это светило мировой словесности без бета-тестера делало?!

Местность оглядывать себя не давала, уверенно показывая, что вокруг лишь чистое поле безо всяких там памятников культуры-архитектуры. Во завернула! Нобелевку по литературе мне!

Ладно, неизвестно, как там себя Ллевеллин вести будет, может, он сейчас меня на коня сразу погрузит и куда-нибудь дальше в степь повезет, а мне еще надо хотя бы чуточку отдохнуть, а то я действительно с этого коня навернусь, несмотря на всю магию Зам... Стоп! А ведь я с лошади таки упала. И куда Замок вместе со своим Рыцарем смотрели?

– Ллевеллин! – я, не дойдя пары шагов до ручейка, остановилась, оглянувшись на юношу.

– Да, миледи? – повернулся ко мне он.

Гм, а я, кажется, начинаю привыкать к тому, что он не называет меня по имени. И это в первый же день! Надо с этим что-то делать, иначе я так вообще озверею, буду требовать, чтоб передо мной на коленях ползали. Нетушки, так дело не пойдет, надо с этим что-то делать. Только вот что?

– Ллевеллин, ты ведь говорил, что со мной не может случиться ничего плохого, а я упала. Магия Замка слабеет?

Рыцарь безразлично пожал плечами:

– Ничуть, миледи. Я же был рядом.

Успокоил, нечего сказать! Это получается, что пока Ллевеллин рядом, меня могут в кислоте стирать, в кипящем масле варить, в хлорке замачивать, а все будет чудненько и великолепно, потому как Ллевеллин рядом? Типа, он в любой момент может мне помочь? Не хочу-у-у!

Интересно, а если я сейчас начну трогательно хлюпать носом, он меня пожалеет или, так же, как и когда я в Замке жаловалась, что боюсь лошадей, найдет какое-нибудь рациональное объяснение?

Додумать эту умную мысль мне не удалось. То ли камушки, которыми были выложено не только русло, но и земля вокруг ручейка, оказались косо закрепленными, то ли каблуки на моих сапогах – стоптанными, но левая нога неожиданно пошла вперед, я взмахнула руками и...

На этот раз Ллевеллин поймать меня не успел.

Глава 11. Много спать вредно

Я лежала, уставившись взглядом в потолок. Гладкие, плотно подогнанные доски казались дорожками, ведущими черт его знает куда.

Круглые пятнышки сучков, золотистые капельки подсохшей древесной смолы.

Я пришла в себя пять минут назад, не больше. И все это время судорожно пыталась сообразить, куда же я, собственно, попала. Повернуть голову и оглядеть обстановку я не могла – несколько секунд назад, когда я сдуру попыталась-таки это сделать, в затылке вспыхнул огненный комок боли, закололо виски.

В общем, я решила не рисковать и сейчас лежала, не сводя взгляда с потолка и надеясь, что все это скоро закончится, – может, кто в дверь войдет или еще что. В любом случае что-нибудь да случится. И надеюсь – случится хорошее, потому как на плохое у меня попросту здоровья не хватит. И так уже...

М-да, Геллочка, что тут говорить, ты у нас уникум. Умудриться при наличии мягкой зеленой травы обнаружить твердокаменный булыжник и долбануться об него головой – это надо уметь.

Справа что-то скрипнуло. Послышались тихие, осторожные шаги.

Предыдущая Хозяйка в последний раз покидала Замок года три назад, не меньше. И, кажется, ездила она тогда именно в эту деревушку. Воспоминаний местным жителям оставила уйму.

*Интересно, как они встретят новую Хозяйку?
Замок с интересом приготовился наблюдать.*

Я зажмурилась, а потом резко повернула голову, ожидая новой вспышки боли. К моему удивлению, ничего страшного не произошло. Я подождала мгновение, другое. Осторожно открыла глаза.

Ллевеллин стоял на коленях передо мною и осторожно водил рукой над моей головой. Изредка Рыцарь делал короткие странные жесты, словно собирал что-то, сматывал в тугой клубок.

Увидев, что я открыла глаза, юноша встревоженно поинтересовался:

– Вам легче, миледи? – Его ладонь замерла в паре сантиметров от моего виска.

– Д-да, – тихо выдохнула я. – Что произошло?

На мгновение мне показалось, что в зрачках Ллевеллина проскользнул страх, но в следующий момент юноша отвел взгляд.

– Вы потеряли сознание, – опустил глаза Рыцарь. – Моя вина, миледи... Я не успел подхватить вас.

Чудненько. Значит, затылком я действительно долбанулась от души. Иначе все было бы нормально. По крайней мере, все бы ограничилось «я находился рядом, а потому...».

– А где мы сейчас?

– Это небольшая деревушка, миледи. Предыдущая Хозяйка бывала здесь. Пару раз. – Ллевеллин осторожно убрал руку.

Ну-у-у. Зачем он так! Все было чудненько: ладошка уже почти щеки коснулась. Глядишь, так бы еще что-нибудь случилось. У Рыцаря такие глаза...

Забудь, Гелла! Слышишь, за-будь.

– А ты? – осторожно поинтересовалась я. Скорее, для того, чтобы еще раз услышать чарующую музыку голоса Ллевеллина.

Губы парня тронула легкая и какая-то грустная усмешка:

– Нет, миледи, я раньше не покидал Замок. К счастью.

Странно. Сколько ему? Лет двадцать пять? И он радуется, что нигде никогда не был? Славка бы на его месте жаловался на несправедливость судьбы и посыпал голову пеплом. Крайне театрально.

Впрочем, Славочка всегда был мальчиком специфическим, сколько его помню – на публику работал. Ллевеллин не такой. Только я вот не знаю, плохо это или хорошо.

И почему я так от этого Ллевеллина тащусь? Прямо как удав по стекловате.

Громкий хлопок вывел меня из задумчивости. Вздвогнув,

я отвела взгляд от Ллевеллина и наконец получила возможность осмотреть комнату, в которой лежала. Деревянные потолок, стены и пол. Грубо сколоченный стол, пара стульев, сундук в дальнем углу да кровать, на которой я и лежала. Вместо матраса – тонкий тюфяк. Подушку заменяет сложенная несколько раз куртка – одна из пуговиц впилась в щеку.

Вошедший в комнату плотненький невысокий мужчина остановился рядом с Ллевеллином, по-прежнему стоящим на коленях, и с трудом склонился в глубоком поклоне, чудом не стесав лбом край кровати:

– Миледи уже очнулась?

Нет, их что, Ллевеллин покусал?! «Миледи», «миледи» – сколько можно?! Сговорились они все, что ли?! Да еще и в третьем лице обо мне говорят. Словно меня здесь и нет! Поубивала бы всех!

Только разогнувшийся мужчина внезапно шарахнулся к двери и, судорожно дергая неожиданно заклинившую ручку, жалобно проблеял:

– Ми-ми-ми-миледи чем-то недовольна?!

Э. Я что-то пропустила?!

– Да нет, – удивленно протянула я, – все в порядке.

– Т-так д-да и-ил-ли н-нет?! – не успокаивался мужчина.

– Все в по-ряд-ке! – четко повторила я, опасаясь, что он сейчас точно не выдержит и вообще выломает дверь.

Мужик, отпустив ручку, расплылся в счастливой улыбке идиота:

– Правда?!

– Ага, – вздохнула я, осторожно садясь на кровати. Несмотря на все пассы Ллевеллина, меня не покидало опасение, что в один не особо прекрасный миг боль все-таки решит вернуться, и вот тогда-то я попрыгаю. Точнее, вообще прыгать не смогу. Как и шевелиться.

К моему глубокому удивлению (и счастью, кстати, тоже), страхам было не суждено сбыться: головная боль не вернулась, а мужик, решив, что хорошенького понемножку, отвесил очередной поклон и скрылся за дверью. Станный он какой-то. Напуганный. Вот только чем? Я вроде ничего плохого не делала.

Может, Ллевеллин ему какую-то гадость сказал? Так на Рыцаря это вроде не похоже.

Ой, Геллочка, какую ты чушь несешь! Похоже – не похоже! Можно подумать, ты этого господина ап Гвидиона знаешь сто лет! Вчера (или сегодня) только увидела, а сама туда же! И это ж еще додуматься надо было: в первый же день попереться с ним черт знает куда, за тридевять земель. Ну не дура ли?

Видимо, все-таки дура. Потому как, посидев некоторое время на кровати, я таки сподобилась встать.

Может, удар по голове оказался слишком уж сильным, может, еще что, но меня та-а-а-ак повело в сторону... Испуганно ойкнув, я схватилась за спинку кровати, чудом не врезавшись в Ллевеллина, который по-прежнему стоял на коленях.

Рыцарь дернулся, словно его обварили кипятком, и, подхватив меня под локоток, выдохнул:

– Осторожно, миледи!

Я с трудом выровнялась и внятно, как мне показалось, общила:

– Все нормально!

По крайней мере, я на это надеюсь.

Ллевеллин же не отставал:

– Миледи, может, вам не стоит пока вставать?

Нет, стоит! В конце концов, должна же я выяснить, куда я попала и что меня здесь ждет? И вообще. Кто ищет, тот всегда найдет... На свою голову.

В любом случае мне удалось выдавить улыбку, и я уверенным, хотя и чуточку строевым шагом (а я бы на вас посмотрела, после всего хорошего, что мне за прошедшее время на голову свалилось!) направилась к двери. В конце концов, должна ж я выяснить, где я оказалась?!

Короткий, в пять шагов, коридор, стены которого были обиты гладкими деревянными панелями, я преодолела минут за двадцать: жутко подкашивались ноги, да вдобавок ко всему звенело в ушах.

Ллевеллин всю дорогу до лестницы исполнительно поддерживал меня за руку, а на ступеньках, когда я в очередной раз споткнулась и чудом не упала, плюнул на все приличия и вообще подхватил меня на руки. В первый миг я дернулась, собираясь начать спорить (типа, я вся такая силь-

ная, могучая и вообще сама ногами шевелить могу!), но потом попросту махнула рукой и замерла, прижавшись щекой к груди Ллевеллина. А можно я так и дальше посижу?..

Гм. Геллочка, а тебе не кажется, что ты повторяешься?

Ну и фиг с ним.

Я лучше останусь в такой же позе. Лет так на пятьсот.

Ага, как в дурном анекдоте! Выйду на пенсию, куплю кресло-качалку и полгода буду просто в ней сидеть. А потом начну раскачиваться.

Посидеть, половить кайф в лучших традициях женского любовного романа мне не дал все тот же мужик, что до этого ввалился в комнату. Появившись перед нами, как чертик из табакерки, он вкрадчиво поинтересовался:

– Миледи что-нибудь угодно?

На Рыцаря он упорно не обращал внимания.

Мне не оставалось ничего, кроме как спрыгнуть с рук Ллевеллина и вздохнуть:

– Миледи ничего не угодно. Точнее, миледи угодно пройтись. Подышать свежим воздухом.

Новый поклон:

– Но миледи останется на ужин?!

От очередного падения меня спас Ллевеллин, предусмотрительно не выпускающий мою руку.

Какой, на фиг, ужин! Я вон позавтракала. С Ллевеллином. И результат? Поехать черт знает куда на какой-то кривоногой кобыле, которая тут же меня уронила, потерять со-

знание... Это все последствия этого несчастного завтрака! Я точно знаю!!! Небось или Замок, или Ллевеллин чего-то подсыпали. Цианидику какого-нибудь.

Но дяденька все так же нетерпеливо ждал ответа, не сводя с меня испытующего взгляда.

Рыцарь, как я понимаю, за меня говорить не будет.

Но все-таки. Что ж мне этому гостеприимному хозяину ответить? Согласиться или послать лесом далеко и надолго?

– Ну знаете, – осторожно начала я, – я бы с удовольствием осталась. – Хватка Ллевеллина стала крепче. Это что, он намекает, что оборот «но» здесь неуместен? Ладно, останемся. – А потому принимаю ваше приглашение!

Пальцы Рыцаря ощутимо дрогнули.

Забавно. Весьма забавно. Посмотрим, что же будет дальше. Вот только угадывать мнение Рыцаря она пока так и не научилась. Впрочем, как и все предыдущие Хозяйки.

Мужчина в очередной раз склонился в поклоне и поспешно ускакал куда-то в сторону. Я же... Я же просто повернулась к Ллевеллину:

– Ты что-то хотел сказать?

Юноша поспешно опустил глаза:

– Ни в коем случае, миледи!

– Но ты же... ну... руку... Ты хотел, чтобы мы остались на ужин?

Прямой взгляд:

– Рыцарь не имеет чувств и собственных желаний.

Я подавилась воздухом. Не, нормально, да?! Ничего себе заявочки!

– Ты же вроде говорил, что не можешь ненавидеть меня за смерть твоего отца, а как насчет остального?

Жестоко? Ну извините, сформулировать этот вопрос попроще я не могу!

В голосе Ллевеллина зазвенел металл:

– Рыцарь не из тех, чьи чувства, эмоции и желания должны иметь значение для Хозяйки.

Угум. Новая формулировка, значит. Чувства, получается, есть, но значения они не имеют. Чудненько.

– Ллевеллин, – мягко сообщила я Рыцарю, – я сейчас буду долго и нудно ругаться матом!

– Воля ваша, миледи, – пожал плечами юноша.

Я выдернула руку из его крепкой хватки и направилась к выходу.

Ллевеллин догнал меня возле двери. Благо за лестницей, по которой мы спустились, был всего-навсего короткий коридорчик да пара дверей, за одной из которых скрылся хозяин дома. Как я понимаю, мне – в другую. А Ллевеллин, с его чувствами и их отсутствием, пусть делает что хочет.

Ну-ну...

Глава 12. Вперед и с песней

К моему удивлению, Ллевеллин вместо того, чтобы тихо и мирно оставаться в домике, упрямо шел за мною. Ну это его проблемы! Пусть чем хочет, тем и занимается! Хочет – со мною идет, хочет – дома сидит.

Знаете, как в классической фэнтезюшной (именно фэнтезюшной, а не фэнтезийной) книге описывается не менее классическая фэнтезюшная деревня? Грубо (это – ключевое слово) сколоченные дома, пыльные дороги, стада (именно стада, для стай они слишком многочисленны) гусей, ровными цепочками шатающиеся по улицам, да оравы ребятишек в длинных рубахах и с полным отсутствием штанов. Так вот – здесь всего этого не было!

Улицы – ровные, как по линейке проведенные, и чистые, словно их шампунем каждый день моют. Дома – хотя и выдержаны в стиле «Западная Европа, Средневековые дремучее классическое», но все такие аккуратненькие и одинаковые настолько, что так и хочется подойти сделать какую-нибудь гадость! Граффити там на стене нарисовать, написать что-нибудь доброе и ласковое. Боюсь только, Ллевеллин этого не оценит. А если даже и оценит, так ведь не скажет ничего, гад такой! Хотя и красивый, гад...

Нет, ну вот серьезно, какое он имеет право быть таким красивым?! Правильно! Никакого! Вот только мне от этого

не легче.

Так, стоп, Гелла! Тебя сейчас куда-то не в ту степь понесло! Успокаиваемся, концентрируемся. Можно какой-нибудь медитацией заняться.

Отличная, кстати, идея. Вот только...

– Миледи?

Я ж и говорю, кто мне помедитировать даст? Дергать сейчас начнут. Точнее, уже начали. Вернее, начал. Ллевеллин. Гад. Змеюка. Змеюшка. Змеююююнчик. Блин, опять я на какой-то бред срываюсь.

– Да? – я повернулась к Рыцарю.

Ой, ну вот лучше бы я этого не делала. Глаза зеленые-зеленые. Длинные, как у женщины, ресницы...

К реальности меня вернул опять же голос Ллевеллина:

– Миледи... Миледи, вы меня слушаете или нет?! – кажется, в голосе Рыцаря проклюнулось возмущение.

А кто тут у нас про отсутствие чувств говорил?

Я мотнула головой, чтобы избавиться от такого милого навязывания, и вздохнула:

– Слушаю. Что ты хотел?

– Я вас окликал раза четыре, не меньше! – О, теперь еще и легкое раздражение появилось. Глядишь, так вообще на человека станет похожим.

– Извини, я отвлеклась.

Ллевеллин уставился на меня так, словно я таки выполнила свою недавнюю угрозу и послала Рыцаря, как говорит

Славка, в бесплатное эротическое путешествие. Очень короткое.

Ладно, забыли.

– Что ты хотел?

– Я... – юноша запнулся. – Если мне будет позволено, я бы хотел узнать...

Я терпеливо ждала. Ждала, когда ж он наконец сообщит, что ж он хочет выяснить, но Ллевеллин, похоже, впал в анабиоз.

– Ну? – не выдержала я.

Господи, а краснеть-то так зачем?! Можно подумать, я ему сказала что-то настолько неприличное, что хоть святых вон выноси!

М-да.

– Мил-леди, я х-хотел спросить. Ужин будет здесь около семи. Что вы собираетесь делать до этого времени? – наконец собрался с силами Рыцарь.

Мне вот интересно. При общении с прежними Хозяйками их Рыцари тоже бледнели-краснели, боялись рот открыть и чуть ли не в обморок падали или это мне такой вот попался? Хотя, надо признать, насчет «что делать до ужина» он совершенно прав.

– А какие есть варианты?

– Н-не знаю. – Судя по выпученными глазам Рыцаря, чем можно было заняться до ужина, он как раз таки знал, но вот сказать почему-то не решался. Стеснялся?

Похоже, на этой пьянке выступать в роли массовика-затейника должна именно я. А жаль. Никогда не обнаруживала за собой таких способностей.

– Тогда – пойдем гулять, – сообщила я юноше. – Дышать свежим воздухом. Возражения есть?

– Нет, миледи! – радостно выпалил юноша.

Похоже, после того, как я взяла бразды правления в собственные руки и указала верные пути развития, к Ллевеллину вернулась уверенность. И кто после этого будет говорить о бесполезности феминизма?

В общем, я окинула взором детишек, чинными парочками прогуливающих по улице (за ручки держатся, одежда вычищена, шнурки завязаны, сопли вытерты – ужас!), и, вздохнув, направилась вниз по улице.

Странная, что ни говори, деревня. Или это город? Впрочем, в любом случае это не столь важно. Даже для поселка городского типа этот населенный пункт более чем странный!

Да и посудите сами. За те пять минут, пока я в сопровождении Ллевеллина чинно (от детишек заразилась, не иначе!) шествовала по улице, я не увидела ни одного дерева, ни единой лужицы, и даже ни пылинки, ни соринки! Можно подумать, здесь живут не обычные люди, а сумасшедшая тетя Ася с многочисленным семейством и клонами (иначе как она успевает побывать у всех этих Ань, Валь и Зин).

Поломав некоторое время голову над этим совершенно неразрешимым вопросом, я наконец решила, что правиль-

ного ответа так и не найду. В конце концов, я ж не Шерлок Холмс, у которого в распоряжении были уйма времени и толпы добровольных помощников типа Ватсона. Я тут на чуть-чуть: прогуляюсь, поужинаю, может, переночую – и домой! Немедленно. Ибо нефиг. Вряд ли здешние неправильные пчелы делают правильный мед. И вообще все это жу-жу-жу неспроста.

Придя к столь более или менее оптимистичным выводам (скорее менее, чем более), я ускорила шаг – может, за следующим поворотом увижу что-нибудь поинтересней, чем эти чистенькие улочки и запуганные жители, вжимающиеся в стены и чуть ли не по-пластунски пробирающиеся, а куда пробирающиеся?.. Скажем просто: из точки А в точку Бэ. Кстати, а почему?

– Ллевеллин, а почему жители так напуганы?

Уж что-что, а сказки о страшных чудовищах, терроризирующих всякие деревеньки, требуя золото и девушек, я читала. Кто их знает, может, здесь именно такой случай? Живет где-нибудь поблизости страшный помешанный на уничтожении микробов Змей Горыныч, наводит на местных жителей страх, наведываясь сюда раз в два-три дня, а я тут, значит, как раз под раздачу плюшек и попала. Ой, мамочки...

Сейчас как окажется, что это все чистая правда и они меня этому самому Змей Горынычу на ужин и оставили...

Рыцарь, на которого я уставилась, с ужасом ожидая ответа, неожиданно закашлялся. Странно, раньше я у него при-

ступов астмы не замечала.

– В-вам показалось, миледи!

Ну вот, опять заикание проснулось.

Неправильный мне Рыцарь попался! Стеснительный как девушка, заикающийся. А уж какой красивый. Глаза, губы. Ой, мама...

Стоп, Гелла! Ты ж вроде его обхвать собиралась, а тут опять! А ну взяла себя быстренько в руки и успокоилась!

На чем мы там остановились? Ах да, показалось мне, показалось. Ну, не знаю, не знаю. Раньше я особенными галлюцинациями не страдала. Неособенными – тоже.

Вот только уточнить насчет монстра-террориста надо. На всякий пожарный. А то мало ли.

– Ллевеллин, скажи, – медленно начала я, пытаюсь сообщить, как же это получше сформулировать, чтоб, значит, и Рыцарь мне все-все рассказал, и чтоб я дурой в его глазах не выглядела, – ты ведь здесь все знаешь. Пока я без сознания была, местные жители тебе ни про каких чудовищ, что поблизости обитают, не рассказывали?

– Вы имеете в виду таоте? – флегматично поинтересовался Ллевеллин.

Надо же, как быстро себя в руки взял!

– Кого? – поперхнулась я.

Где-то в глубине души жила смутная надежда, что рыцарь сообщит, что никакого чудища нет.

– Таоте, – повторил Рыцарь и, видя мое недоумение, все

тем же спокойным голосом продолжил: – Чудовище-людоед. Живет здесь неподалеку. В паре дней пути.

Ой, бли-и-и-ин. Попала. И зачем я согласилась остаться на ужин?!

Ллевеллин же словно и не заметил моего потрясения.

– Миледи хочет, чтобы я уничтожил это существо? – голос настолько спокойный, словно Рыцарь спрашивает о чем-то вроде: нужен ли дома хлеб.

– Да! – выпалила я.

А то сейчас как пустят меня этой тойоте на ужин.

Рыцарь флегматично пожал плечами:

– Как будет угодно. Боюсь только, придется подождать некоторое время – я не могу покинуть миледи вне стен Замка. – Интересно, а в туалет он тоже будет меня сопровождать? – После возвращения в Замок я привезу вам его голову.

В подарок на день рождения, так сказать. Чудненько. Котсклерозматик из незабвенного НИИЧАВО Стругацких радостно хлопает в ладоши.

Стоп! Привезу голову. Потом. Не сейчас.

– А если он меня до этого момента съест?!

– Кто?

– Ну этот твой тойота.

– Миледи собирается посетить его логово?

– Н-нет, – не знала, что заикание – это заразно.

– Тогда миледи нечего опасаться!

Успокоил, называется.

Мне вот только интересно. Это одна я из всех существовавших Хозяек при обращении в третьем лице вспоминаю анекдот на тему «мадмуазель спешит»? А вообще... Гусары, молчать!

Конечно, раз мне нечего бояться, пошли, что ли, изучать этот поселок городского типа дальше. Эх. Мне бы сюда баллончик краски, я бы тут такое граффити понарисовала!

Художник из меня, конечно, не очень – дома по ИЗО больше тройки я отродясь не получала, – но что-нибудь по типу «здесь был Вася» изобразить бы смогла!

Глава 13. Контакты с аборигенами

Местные жители, те самые, которые так правдиво изображали напуганных тараканов, общаться со мною отказались, уверенно бледнея, краснея и закатывая глаза в ответ на любой вопрос. Соответственно, предоставить мне план этого хуторка они тоже отказались. В общем, пришлось идти куда глаза глядят.

И вот уж не знаю, то ли я с детства отличалась повышенным косоглазием, то ли еще что, но прямо я шла исключительно до ближайшего перекрестка, ну а после этого наугад поворачивала направо или налево (Ллевеллин, кажется, уже был готов меня прибить), надеясь, что за следующим поворотом я увижу хоть что-то новое. Увы. Если предположить, что создатель мира был художником, то демиург этой деревни, не мудрствуя лукаво, воспользовался ксероксом.

Неожиданная удача ждала меня, когда я уже потеряла всякую надежду. Новый поворот и...

В конце улицы, резко уходящей вниз, блеснула голубая лента реки. Ура! Хоть какое-то разнообразие!

Люди так любят обманывать. Чаще всего – себя.

Честно говоря, я всегда искренне считала, что в наше время, когда космические корабли бороздят просторы Большо-

го театра... пардон, не та опера. В любом случае – в наше время такое словосочетание, как «ручная стирка», давно ушло в прошлое. Ага, щазззз!

Впереди, на полуразрушенных деревянных мостках, молодая девушка полоскала белье. Рядом стояла грубо сплетенная корзина, до краев наполненная вещами. Девушка неловко повернулась, и корзина, задетая локтем, бойко ухнула в воду. Прачка испуганно ойкнула, потянувшись за вещами. И рухнула вслед за корзиной, с головой уйдя под воду.

Господи, да какая ж здесь у них глубина?! У самого-то берега?!

Ллевеллин, не раздумывая, рванул мимо меня к утопающей, прыгнул в воду. Всего через несколько мгновений кашляющая девушка была вытащена на берег. Она некоторое время судорожно похватила ртом воздух, затем наконец отдышалась и, не обращая внимания на то, что с нее льет в три ручья, радостно повисла на шее Ллевеллина.

– О, спасибо вам, благородный господин! – завизжала недоутопленница. – Вы спасли мне жизнь, и моя благодарность будет воистину безгранична!

Не поняла?! На что это она намекает?!

Не надо было ее вылавливать.

Покрасневший как маков цвет Рыцарь судорожно пытался расцепить ее руки. Безрезультатно.

Так. Пора мне вмешаться, иначе...

Какая ревность?! Какая, на фиг, ревность, я вас спраши-

ваю?! Она же просто сейчас задушит моего Ллевеллинчика! Ну, в смысле, не совсем уж моего, но все-таки. Вы поняли, да? Я спасаю Рыцаря от удушения. Не более того!

Я осторожно приблизилась к этой странной композиции под названием «Ллевеллин, застывший статуей и не знающий, куда ему деть руки, мучительно соображает, как вежливо послать даму далеко и надолго» и, похлопав девицу по мокрому плечу, сообщила (она наконец соизволила оглянуться, но на шее у моего Рыцаря висла по-прежнему):

– Девушка, у вас уже все вещи уплыли.

Девушка, вместо того чтобы заняться своими прямыми трудовыми обязанностями, смерила меня ледяным взглядом и, не расцепляя рук, холодно поинтересовалась:

– А вы, собственно, кто такая?!

Не, нормально, да?! Вешается на МОЕГО Рыцаря и еще чего-то от меня требует!

– Гелла, Хозяйка Замка, – мрачно сообщила я. Фамилия, я думаю, здесь не требуется.

Девушка как-то мгновенно побледнела, став одного цвета с давно уплывшим бельем, и соизволила-таки наконец разомкнуть руки.

– П-п-простите, миледи! – выдохнула она, как-то испуганно уставившись на меня. – Я не знала, и... – Ее взгляд заметался между мной и Ллевеллином. – А в-вы т-тогда...

– Ллевеллин ап Гвидион, – склонил влажную голову юноша, – Рыцарь Замка.

Ух ты, а я думала, он мой Рыцарь. Так, стоп. А ведь я именно об этом и думала, когда девушку отвлекала. Пора завязывать с этими собственническими замашками!

Девушка между тем побледнела еще сильнее.

– М-м-миледи, я не знала, клянусь, и я бы никогда не посмела и... и... – начала она, заламывая руки.

– Идите домой, высушитесь, – тихо посоветовала я, – а то замерзнете, простудитесь.

Девушку как ветром сдуло.

Ллевеллин же оглянулся по сторонам, словно проверяя, нет ли кого поблизости. А потом вдруг опустился на одно колено, склонил голову:

– Миледи, прошу простить мне мою дерзость, я не должен был так поступать. Я должен был дожждаться вашего приказа.

Это чего с ним?! Нет, я понимаю, что сейчас разговариваю, как Вовка в тридевятом царстве, но на связную речь у меня просто нет никаких сил.

Это что, он извиняется за то, что спас эту девушку?! Считает, что мне это должно не понравиться?! Как там фрекен Бок говорила? «Я сошла с ума, какая досада!»? Вот-вот. Именно об этом я и говорю.

– Ллевеллин, не сходи с ума! – тихо пробурчала я, настроенно зыря по сторонам – сейчас кто-нибудь из аборигенов на улицу выскочит (вон как в окошки уставились!), а тут такая картина маслом! – Веди себя прилично!

Рыцарь вскинул на меня удивленный взгляд – похоже,

здесь нормы приличия в корне отличались от общепринятых, и поза Ллевеллина не вызовет не то что насмешек, даже удивления. Пришлось выкручиваться:

– Все в порядке, встань!

Насквозь мокрый парень послушно поднялся, не обращая внимания на воду, хлюпающую в сапогах.

Господи, и никак я не привыкну к такому вот подчинению. Хотя, если размышлять логически, много ли у меня времени было привыкать? Я даже толком не могла сказать, сколько часов прошло с того момента, как я оказалась в Замке, – два-три или все сутки.

– Возвращаемся туда, откуда пришли, – вздохнула я. – Надо найти тебе сухую одежду, а то еще замерзнешь, заболеешь.

Ллевеллин позволил себе небольшую улыбку:

– Я не могу заболеть, миледи. Рыцарь либо здоров, либо мертв.

М-м-да. Достанется ж кому-то такой вот удобный муж. Какая экономия на лекарствах!

Гелла! Ну о чем ты вообще думаешь?! Человек сейчас замерзнет на фиг, а ты – «экономия, экономия»! Сердца у тебя вообще, что ли, нет?!

Тем более, что вторая часть его фразы мне совершенно не понравилась!

– Но переодеться тебе все равно надо, – решила не успокаиваться я. – Ветер – холодно будет.

Если честно, сказать, что погода нынче была ветреной, мог только человек, прошедший всю сознательную жизнь в консервной банке, но... В конце концов, не может же Ллевеллин ходить в таком виде?! Как минимум это неприятно!

— Но отец, это глупо! — не успокаивалась девушка. — Я же говорю, она другая! В твоих действиях нет никакого смысла!

Мужчина упрямо поджал губы:

— Я знаю лучше, что делать, а потому поступим так, как я решил. Тем более, что слова одной девчонки не переселят воли всей деревни!

— Зачем, миледи? — удивленно пожал плечами Рыцарь. — И так можно.

Ллевеллин зябко передернул плечами. Ну вот, я ж говорю, замерз, сейчас простудится, а мне его потом лечить! Ой, стоп! Мне лечить — это значит, он весь такой больной, в кровати лежать будет, а рядом я с градусником и грелкой, вытираю пот ему с лица... Какая прелесть! Гелла, о чем ты думаешь! Сердца у тебя нет, что ли?

От черных волос пошла волна бледного свечения. Всего мгновение — и одежда юноши была абсолютно суха.

Круто! Интересно, а гладить ее надо? Если нет, это ж такой кайф! Ни стирки, ни глажки — живем! А можно вообще, если домой вернусь, наладить сеть прачечных. Только и ну-

жен один-единственный Ллевеллин.

М-да, Геллочка, меркантильная ты. Причем настолько, что это уже и не лечится. Если подобное вообще лечат.

Глава 14. Кушать подано, идите жрать, пожалуйста

Не знаю, сколько бы я стояла, размышляя о методах, способностях и возможностях Ллевеллина, но в этот момент в конце абсолютно пустынной улицы показался уже знакомый мужичок, тот самый, что на ужин приглашал. Он некоторое время оглядывался по сторонам, словно выискивая кого-то, а потом резво поскакал (в переносном смысле, конечно) к нам с Ллевеллином.

– Миледи, – выдохнул мужчина, сгибаясь в угодливом поклоне (и как у него спина не заболит?), – я так счастлив, что нашел вас! – Угу, давно не виделись. Но на лице я сохранила маску спокойствия и легкой заинтересованности. – Все уже готово к ужину, следуйте за мной!

К ужину? А не рановато ли? Часа четыре дня, не больше. Хотя кто их здесь, в этом Средневековье, знает. Я читала, заутреня часа в три ночи обычно служитя (интересно, здесь христианство есть?), так что, может, и ужин в четыре часа начинается.

Я оглянулась на Ллевеллина. На мгновение мне показалось, что по лицу Ллевеллина проскользнуло какое-то непонятное чувство. То ли злоба, то ли тоска, то ли усталость. А впрочем, непонятно. И вообще, кто этих мужчин поймет? У них все не как у людей. Черное – белое, да – нет. А на оттен-

ки серого и вариации типа «может быть» места не остается. Мозги, наверное, неправильно устроены.

Ладно, забудем. Ужинать так ужинать. Хотя, если честно, есть я совершенно не хочу. Буду, значит, как тот хохол из анекдота: «А шо не зым, то пиднадкусую».

Мрачное лицо Ллевеллина только придавало оптимизма.

Похоже, аборигены решили меня не кормить, а откормить. На убой.

Это я поняла после того, как мужчина, присутствовавший при моем пробуждении (Спящая красавица, блин, нашлась!), вывел нас на какую-то площадь (искать ее среди однотипных домов-улиц пришлось долго), посреди которой был накрыт стол. Застеленный несколькими скатертями – из-под белой выглядывала красная, под ней виднелся краешек зеленой, а еще ниже высывалась синяя кромка, – заставленный тарелками и украшенными чеканкой кувшинами.

Я осторожненько оглянулась по сторонам и тихо поинтересовалась:

– А где все?

– Простите, миледи? – вскинул на меня удивленный взгляд мужчина.

– Что я, одна ужинать буду?

Даже Ллевеллин в Замке меня никуда не посылал, вместе со мной завтракал, а тут я сама буду, что ли? И вообще, там же, в кувшинах этих, явно спиртные напитки имеются. Я как алконавт какой-то, одна квасить должна?!

– Вам нужны сотрапезники? – удивился хлебосольный хозяин.

Ну надо же, какой догадливый! Нет, одна я здесь давиться буду!

– Нужны.

Мужчина задумчиво почесал затылок, а потом вдруг гаркнул:

– Хайна!

Ой, ну и зачем так орать?

Я недовольно скривилась, потирая ухо, контуженное воплем деревенского старосты (так я про себя решила называть этого). Увы и ах, но мои ужимки заметил только Ллевеллин, на лице которого на мгновение проскользнуло что-то похожее на усмешку (пропало это что-то так же быстро, как и появилось, так что я даже не поняла, было ли на самом деле или мне показалось), – второе присутствующее лицо смотрело куда-то в сторону, а потому на бедную-несчастную меня никакого внимания не обращало.

Словно в ответ на эти выкрики где-то в дальнем конце площади оглушительно стукнула дверь, потом застучали каблучки, и на площадь выскочила запыхавшаяся девушка. Та самая, что вешалась на Ллевеллина.

Это что, ее Хайночкой кличут? Дал же бог фамилию. В смысле, вот поиздевались родители над ребенком. Впрочем, мне с моей «Геллой» грех смеяться.

– Звал, папа? – поинтересовалась она, уверенно не обра-

щая на меня с Ллевеллином никакого внимания.

Поражаюсь я этой девочке. Нет, честно, поражаюсь. То ведется на Рыцаря, словно он – последний мужчина на Земле, то вообще игнорирует. Сама непосредственность!

– Да, – тихо начал мужчина, и в голосе его звучала вся скорбь о несовершенстве мира. – Миледи желает отужинать в нашей деревне, – угу, вот прямо сплю и вижу! – а потому обойди соседние дома, позови самых знатных.

Девушка наконец соизволила перевести взгляд с отца на меня, и ее тут же как ветром сдуло. Страшная я такая, что ли? Вернусь в Замок – сделаю огуречную маску.

Мне вот интересно, если уж я действительно так «желаю отужинать», нельзя было сразу подготовиться, пригласительные письма набросать, тихо и мирно организовать какой-нибудь междусобойчик, в конце концов?

Видимо, нельзя, и местные жители придерживались того же мнения – уже через пару минут на площади появилось человек пятнадцать. Мужчины и женщины, молодые и старые. Все как на подбор мрачные, словно уксусу натошак напились.

Так, ладно, с приглашенными разобрались. А рассаживаться они как будут? Ни одного стульчика местные массовики-затейники не предусмотрели, даже для меня. Или они думают, мы в Турции живем, будем подушечками пользоваться?

К счастью, гостеприимные хозяева до такого ужаса не до-

думались – шустрые мальчишки лет десяти-двенадцати на вид быстренько притащили по стулу на каждого (хорошо, что не по два на рыло, а то было бы как в «Формуле любви»: «Одному, на двух конях? Седалища не хватит!»). Одну табуреточку поставили во главе стола. Это, как я понимаю, для меня.

«Самые знатные» чинно расселись за столом. Я остороженько примостилась на крае стула, оглянулась по сторонам. Э... Не поняла?! А для Ллевеллина что, никакой скамеечки не предусмотрели?! Нет, я так не играю!

Я начала вставать, но мне на плечо легла рука.

– Миледи, молю вас, не беспокойтесь, я буду рядом, – мне показалось, или я действительно услышала тихий шепот?

Я оглянулась. Ллевеллин действительно стоял за моей спиной, но! Разделяло нас шага три, не меньше! Как он это сделал?! Или у меня уже галлюцинации начались? Чудненько. А может, они просто продолжаются.

Тарелка, стоявшая передо мною, наполнилась как по волшебству. Хрупкий большеглазый мальчишка, прошмыгнувший мимо меня, щедро плеснул вина в золотой кубок, украшенный драгоценными камнями. Как ни странно, но подобные излишества – золото, камни – были только у меня. Остальные обходились глиняными да деревянными чарками.

– Господа и дамы, – вскочил на ноги староста (Не, я не поняла, а почему такая дискриминация? Обычно ж наоборот

говорят?), – сегодня нас почтила своим присутствием Хозяйка Замка. – (Мне вот интересно, я читала, что все эти крупные строения как-то, но назывались, а у Замка, получается, и наименования никакого нет?) – Мы счастливы осознавать, что госпожа оказала нам такую великую честь! Так выпьем же за то... – Он на мгновение запнулся, набирая полную грудь воздуха, а мне, как назло, в голову пришло незабвенное «однажды маленькая, но гордая птичка». Я непочтительно хихикнула и опустила глаза на бокал, который держала в руках. – За то, чтобы власть госпожи пребывала с ней до конца дней ее!

Не знаю, как у кого, а у меня просто язык зачесался ляпнуть что-нибудь вроде «харашо сказал, да?» с типичным акцентом. Сдержалась, честно говоря, с трудом, а для того, чтобы не сказать что-нибудь еще, такое же неподобающее, смело поднесла кубок к губам. Ну что, попробуем домашнего винца?

Как бы не так! За мгновение до того, как я успела сделать глоток, Ллевеллин перехватил мою руку и буквально выдернул бокал из рук. Не поняла?!

Рыцарь же, обогнув стул и став слева от меня, неспешно отхлебнул из моего кубка и, поставив его на стол, чуть слышно обронил, в ответ на недоумевающий взгляд старосты, сидевшего по правую руку от меня:

– Миледи не любит столь терпкие напитки.

Э... Не поняла?! Чего это он за меня распоряжается?!

Староста же, кажется, был готов к подобному отказу: выдавив какую-то излишне сладкую улыбку, он протянул:

– Надеюсь, кулинария миледи понравится больше.

Какая там была у них кулинария, я так и не выяснила. Ллевеллин, подцепив со стола двузубую серебряную вилку, раз за разом отталкивал мою руку, подцеплял с моей тарелки кусочки пищи и задумчиво сообщал:

– Миледи не любит столь пряное... Миледи не любит столь горькое... Миледи не любит столь...

Староста подставлял все новые и новые блюда, Ллевеллин меланхолично сообщал, почему я такого не люблю, а мне оставалось лишь провожать тарелки голодным взглядом. Устроить скандал, послать Рыцаря в болото и накинуться на продукты мне не позволяла, во-первых, бережно взращенная родителями вежливость (далее по тексту следует два листа матерных выражений, так что... в общем, вы поняли), ну а во-вторых... Что «во-вторых», я еще не придумала.

Ночь давно вступила в свои права, на стенах домов загорелись чуть заметные огоньки – местный аналог то ли светлячков, то ли фонарей, – алые и золотые, синеватые и зеленые, собравшиеся в кучки и рассыпанные на огромных площадях. В любом случае света они давали достаточно, чтоб я могла разглядеть, сколько всего вкусного лежит на столе, а мне и не достается!

Терпение мое лопнуло в тот момент, когда Ллевеллин в очередной раз послал местного главу далеко и надолго, над-

кусив аппетитно выглядящий (а пахнущий и того лучше!) пирожок и вернув его на блюдо, заявив при этом:

– Миледи не любит столь сладкое.

Резко вскочив на ноги, я стукнула по столу вилкой, которой так и не получилось воспользоваться, и мрачно сообщила:

– Миледи много чего не любит! А сейчас миледи хочет спать!

Надеюсь, они предоставят мне комнату с кроватью? Или выгонят к чертовой бабушке, обратно в Замок, на ночь глядя?

Не выгнали. Староста почесал макушку и вздохнул:

– Позвольте, я покажу вам вашу комнату, миледи.

Ну-ну. А Ллевеллину предоставят отдельную или как?

Хотя, надо сказать, я сомневаюсь, что мне удастся выспаться. На голодный-то желудок...

Глава 15. Спать пора, уснул бычок

Как ни странно, но провожать меня непосредственно до комнаты староста отказался (гусары, молчать!). Завел в какой-то из множества однотипных домов, провел по темному коридору.

И что дальше?

Слава богу, Ллевеллин рядом стоит. Если что, буду кричать благим матом, отбиваться руками и ногами, и пусть этот Рыцарь выполняет свои непосредственные обязанности! В конце концов, он у нас защитник униженных, оскорбленных и обездоленных. И вообще, настоящий Робин Гуд. Кто скажет, что это не так, собственноручно забью ногами!

Гм, как-то странно все это звучит. Ну да ладно, и так сойдет!

К счастью, моим страшным опасениям сбыться было не суждено. Местный глава наконец справился с освещением, сунув Ллевеллину в руку горящую свечу, и, мрачно буркнув что-то вроде «комната для миледи – там», ткнул пальцем в сторону едва заметной в царящей мгле лестницы. Сам же староста после столь поспешного заявления тут же слинял. М-да. Какие все культурные. Просто смотрю и радуюсь!

– Ну что, пошли? – тихо поинтересовалась я у Рыцаря. Есть хотелось дико. Примерно как в старом анекдоте: «Жрать хочется, аж переночевать негде!» Вот только заявить

об этом напрямую Ллевеллину было как-то неудобно – кругом чужие люди. Ладно. Приедем в Замок, и там я ему уже расскажу все, что я о нем думаю!

– Как будет угодно, миледи! – хрипло сообщил Рыцарь и направился к лестнице.

Надо будет посоветовать ему что-нибудь от простуды. Вон уже как голос сел.

Фразу «пропусти вперед даму» мы, похоже, не знаем.

– Мы пропали! Боги, мы пропали! – невысокий полненький мужчина обессиленно опустился на скамью. – Она ничего не попробовала, она все поняла!

– Адорьян, успокойся, – отмахнулся крепко сбитый парень в кожаной безрукавке, – она ж девчонка, что она могла понять? В ее-то возрасте?

– Нет, Имрус! – взвился староста. – Это ты ничего не понимаешь! Это не просто девчонка, это Хозяйка Замка! И она все поняла. Мы пропали.

– Да успокойся ты, – фыркнул парень. – Да, она ничего не попробовала, но этот Рыцарь...

– Что Рыцарь? Что Рыцарь??? Он бессмертен! Решено: выводим из деревни женищин и детей. Если уж кто и будет отвечать, так только мы.

До конца лестницы оставалось ступеньки две, не больше, когда Ллевеллин внезапно остановился.

– Что случилось? – осторожно поинтересовалась я.

– Н-ничего, миледи! – как-то судорожно выдохнул парень.

А мне вот почему-то так не кажется. И вообще. Не нравится мне это все.

Я осторожно потерявила Рыцаря за плечо:

– Ллевеллин, с тобой точно все в порядке?

Юноша словно только этого и ждал: пошатнулся и начал заваливаться на меня.

– Ле-лле-ллевеллин, ты чего?! – отчаянно взвизгнула я, чудом умудряясь поддержать Рыцаря. – Помирать вздумал?! Я запрещаю! Слышишь, запрещаю!

Ой, мам, мам, мамочки! Чего это с ним?! Ллевеллинчик, солнышко, что с тобой?!

По телу Рыцаря прошла судорога.

Не знаю как, но я, поддерживая Рыцаря, умудрилась-таки обогнуть его и, буквально развернув, затащить на второй этаж.

Свечка выскользнула из холодеющей руки. Потухнув, покатилась по полу. Комната погрузилась во мрак.

Господи, да что ж мне делать-то?! Ллевеллин, не смей умирать! Сам же говорил, что ты бессмертный, как Дункан Маклауд! Господи, не дай бог, это только в Замке действует! Ллевеллин!

Я осторожно оттащила Рыцаря подальше от смутно белеющего провала – спуска на первый этаж – и судорожно принялась хлопать ладошкой по полу, разыскивая так некстати

потерявшуюся свечу. Наконец под руку попало что-то похожее.

И что дальше?! Рыцарь лежит на полу, не подавая признаков жизни, все, что у меня есть, — свечка, и та не горит.

Ллевеллин, не смей умирать! Не знаю, что с тобой происходит, может, какая ментальная связь с Замком нарушилась, но помирать не смей, слышишь?!

Найти бы еще этого Ллевеллина в этой темнотище, а то отползла от него в поисках свечи...

Я осторожно сделала шаг в сторону, где, по моему предположению, должен был находиться Рыцарь (и кто виноват, что эта чертова свеча так далеко откатилась?). Наступила на что-то мягкое. Откуда-то из-под ноги раздался тихий стон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.